

На правах рукописи

САВКОВИЧ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1992–2012 гг.)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Томск 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре востоковедения

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Официальные оппоненты: **Лузянин Сергей Геннадьевич**
доктор исторических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт Дальнего Востока
Российской академии наук, заместитель
директора по научной работе

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Сибирский
федеральный университет», заведующий
кафедрой всеобщей истории

Троицкий Евгений Флорентьевич
доктор исторических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Национальный
исследовательский Томский государственный
университет», профессор кафедры мировой
политики

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Алтайский
государственный университет»**

Защита состоится 15 ноября 2013 г. в 14–30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (корпус № 3, ауд. 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «12» августа 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

 Шевцов Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. После распада СССР и окончания «холодной войны» произошли существенные изменения в «окружающей среде», с которой Китай взаимодействовал – на его границах появились национальные республики Центральной Азии и Россия. Важность Центральной Азии для Китая определялась проблемой обеспечения энергобезопасности КНР, борьбой с сепаратизмом, межрегиональной торговлей, развитием транзитного потенциала. Кроме того, Центральная Азия была «полем» для взаимодействия России и Китая, рассматривалась в контексте российско-китайских отношений.

Главной задачей для китайской дипломатии стало формулирование комплексной центральноазиатской политики. Так как цели внешней политики в регионе формулировались исходя из внутренних потребностей Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и КНР в целом, отношения со странами Центральной Азии стали частью приграничной дипломатии КНР. В её рамках формировалась «благоприятная окружающая среда по периметру границ», которая была необходима для внутреннего развития.

Важнейшим событием постсоветского периода для Китая стало создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Это беспрецедентный шаг, на который решилось руководство КНР, он же фактически легитимизировал присутствие Китая в Центральной Азии¹.

Для государств Центральной Азии Китай представлял собой один из полюсов в рамках многовекторной дипломатии. Он являлся также частью международных отношений в регионе и достаточно важным партнером. Со своей стороны китайская дипломатия была вынуждена сталкиваться с другими региональными акторами.

Ни в китайской, ни в российской внешней политике регион не являлся приоритетным, однако его важность подчеркивалась действиями внешних сил и расширением регионального соперничества. В связи с военной операцией союзных войск НАТО в Афганистане обозначились угрозы дестабилизации, в том числе и на Северо-западе КНР. В Пекине данные шаги были расценены как продолжение политики «окружения Китая» и прямая угроза безопасности и интересам КНР в региональном и глобальном аспектах.

Для российской науки существует необходимость в комплексном исследовании центральноазиатской политики Китая в постсоветский период (1992–2012 гг.), так как

¹ Кушкумбаев С. К. ШОС и Центральная Азия в отношениях России и Китая // Казахстан Спектр. 2012. №3. С. 12.

регион важен и для внешней политики РФ². В региональном аспекте созданы различные модели взаимодействия между Россией и Китаем, одна из которых – многофакторного равновесия – рассматривается в диссертации.

Таким образом, изучение истории формирования и развития политики Китая в Центральной Азии актуально как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Научная значимость настоящего комплексного исследования определяется необходимостью выявления основных структурных элементов центральноазиатской политики Китая в рамках оформления нового международно-правового региона в системе международных отношений. Без учета фактора Китая невозможно полноценное исследование истории всей системы связей в Центральной Азии, формирующейся в процессе взаимодействия внутренних и внешних акторов. КНР являлась одним из внешних, при этом достаточно близких акторов, тяготея к региону в силу ряда географических, политических, этнокультурных и экономических факторов. В рамках исторического анализа представляется возможным рассмотреть как теоретические изыскания, так и практические шаги китайского руководства при осуществлении региональной и глобальной стратегии Пекина «конкуренция и сотрудничество».

Степень изученности темы. Несмотря на значительный промежуток времени, прошедший с момента распада СССР и создания новых независимых государств Центральной Азии, отечественные исследования, специально посвященные истории формирования внешней политики Китая в регионе, немногочисленны.

Изучение истории регионального сотрудничества с Китаем начинается на последнем этапе существования Советского Союза. Работы не носили комплексного характера и были представлены, в основном, статьями небольшого формата³.

В связи с формированием региональной подсистемы международных отношений центральноазиатское направление научных исследований становится самостоятельным полем как для отечественных, так и для зарубежных ученых. При этом политика Китая в Центральной Азии рассматривалась лишь эпизодически, по большей части в составе общетеоретических работ.

В отечественной практике проблематика сотрудничества КНР и стран региона затрагивалась в ведущих востоковедческих центрах. Различные подходы к изучению

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, 13 мая 2009 г. // Официальный сайт Президента России. URL: archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml (дата обращения: 13.09.2012).

³ Абдуллаева К. Ш., Двоскин Б. Я., Надыров Ш. М. Основные направления экономического сотрудничества Казахстана и Синьцзяна // Социально-экономическая география в Казахстане. Алма-Ата. 1990. С. 30–38; Двоскин Б. Я., Надыров Ш. М. Основные направления внешнеэкономических связей сопредельных регионов СССР и Китайской Народной Республики // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск. 1990. С. 35–42.

ситуации в целом представлены в работах крупнейших российских специалистов-международников А.Д. Богатурова⁴, А.Д. Воскресенского⁵, С.Г. Лузянина⁶. Исследования по большей части были призваны систематизировать роли различных акторов в региональных процессах, тогда как политика Китая в Центральной Азии становилась частью более общих исследований и теоретизирования.

Одним из центров изучения проблем Центральной Азии является МГИМО (У) МИД России. Большое внимание здесь уделяется подходам к функционированию ШОС, выяснению ее роли и проекции на региональную подсистему международных отношений⁷, однако проблематика носит, в основном, конъюнктурный характер⁸. Аналогичные исследования в различных аспектах предпринимались и другими отечественными авторами: Н.В. Серебряковой, А.В. Болятко, К.А. Кокаревым, В.Д. Камыниным⁹.

В сборниках Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН опубликованы работы ведущих специалистов по Китаю из различных научно-исследовательских структур России и стран СНГ – С.Г. Лузянина, Р.К. Алимova, Ф.М. Хамраева, В.Я. Портякова, М.В. Александровой, А.Г. Ларина и ряда других авторов. Однако, в силу своего формата

⁴ Богатуров А. Д., Дундич А. С., Троицкий Е. Ф. Центральная Азия: отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Вып.4. М., 2010. 104 с.; Международные отношения в Центральной Азии. События и документы: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2011. 549 с.

⁵ Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. 408 с.; Он же. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. 603 с. и др.

⁶ Лузянин С. Г. Этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии: внутренние и внешние факторы влияния на стабильность региона // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 379–406; Он же. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов // Китай в мировой политике. М. 2001. С.311–336; Он же. Некоторые аспекты китайской политики в отношении стран «ближнего круга» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV. М., 2010. С. 6–22; Он же. Международно-правовое «поле» Евразии: регионализация и институционализация пространства в условиях диверсификации систем безопасности и сотрудничества // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007. С.111–140.

⁷ Лукин А. В. Россия и ШОС. Вып. 6 (26), июль 2007. М., 2007. 20 с.; Лукин А. В. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сб.статей / Под ред. А. В. Лукина. М., 2012. С. 37–46; Лузянин С. Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 311–336; Ся Ишань. Механизм «Шанхайской пятерки» и стратегическое взаимодействие Китая и России // Китай в мировой политике. М., 2001. С. 336–352.

⁸ Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А. Д. Воскресенского; отв. сост. А. Д. Воскресенский, К. П. Боришполец. М., 2004. 471 с.; Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. М., 2003. 368 с.; Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. 248 с.

⁹ Серебрякова Н. В. Шанхайская Организация Сотрудничества: Многосторонний компромисс в Центральной Азии. М., 2011. 208 с.; Болятко А. В. Вопросы дальнейшего развития ШОС в области безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2006; Кокарев К. А. К вопросу о политике ШОС в сфере безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему сотрудничеству. М., 2008. С. 95–98; Камынин В. Д. Шанхайская организация сотрудничества как объект исследования в отечественной науке // Известия Уральского государственного университета. 2010. №3 (80). Общественные науки. С. 36–43.

они не позволяют составить комплексное представление о проблематике¹⁰. Одной из последних работ по региону является монография А.В. Бондаренко¹¹, в которой предпринята попытка комплексного анализа современного положения СУАР КНР.

К другим работам исследовательских центров следует отнести сборники Института стратегических оценок и анализа (ИСОА) и Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, в которых несколько разделов посвящены рассмотрению сотрудничества КНР с государствами региона¹². К сожалению, авторский подстрочник не позволяет говорить о широком привлечении источников.

Среди обобщающих работ следует выделить монографии представителей ИМЭМО РАН С.В. Жукова и О.Б. Резниковой¹³. Развивая центральноазиатское направление, они вышли на рассмотрение региональной роли Китая с точки зрения экономики и глобальной конкуренции. При несомненной научной новизне и высоком качестве работы, она лишена отсылок к китайским источникам, зачастую просто необходимых.

Частично проблематика диссертации затрагивалась в работах авторов, представляющих новый, формирующийся центр исследований истории Центральной Азии на базе Томского государственного университета. Часть работ посвящена рассмотрению актуальных проблем стран Центральной Азии. В этом ряду можно отметить монографии Е.Ф. Троицкого, С.М. Юна, Е.А. Афанасьевой и К.С. Ануфриева¹⁴.

Исследования алтайских авторов, в основном, посвящены различным вопросам истории российско-китайского и советско-китайского взаимодействия в XVIII–XX вв.¹⁵, отдельно следует отметить исследования основателя алтайской школы востоковедения В.А. Моисеева¹⁶. В рамках сборников представлены актуальные проблемы современного взаимодействия Сибири и Центральной Азии¹⁷.

¹⁰ См., напр.: Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV: ежегодное издание / Отв. редактор-составитель Е. И. Сафронова. М., 2009. 272 с.; Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV: ежегодное издание / Отв. редактор-составитель Е. И. Сафронова. М., 2010. 248 с.

¹¹ Бондаренко А. В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010. 176 с.

¹² Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М., 2010. 292 с.; Центральная Азия в нынешнем мире. Внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития / Под ред. С. Кузнецовой. М., 2007. 254 с.

¹³ Жуков С. В., Резникова О. Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М., 2009. 179 с.; Они же. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001. 478 с.

¹⁴ Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии (1992-2004 гг.). Томск, 2005. 184 с.; Юн С.М. Политика Европейского Союза в Центральной Азии: от «открытия» региона к «стратегии нового партнерства» (1992-2008 гг.). Томск, 2009. 432 с.; Афанасьева Е. А. Современный Синьцзян. Томск, 2007. 206 с.; Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа. Томск, 2011. 198 с.

¹⁵ См., напр.: Омельченко О. А. Экономическое развитие Синьцзяна в 1949-1978 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.

¹⁶ См., напр.: Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) Барнаул, 2003. 346 с.

¹⁷ См., напр.: Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: актуальные вопросы истории и международных отношений. Четвертые научные чтения памяти Е. М. Залкинда: Материалы международной

Исследователи из Центральной Азии рассматривают развитие отношений с КНР, в основном, применительно к своим государствам. Важным фактором доступа к материалам центральноазиатских авторов является их публикация на русском языке. База для проведения крупномасштабных научных изысканий создана в Казахском институте стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК. Изучение истории региональной политики Китая встречается в работах признанных казахстанских политологов и востоковедов А.Ш. Кадырбаева, К.Л. Сыроежкина, М.Ауэзова, К.Ш. Хафизовой, М.Т. Лаумулина, А.С. Каукенова¹⁸.

В монографии главного научного сотрудника КИСИ, профессора К.Л. Сыроежкина показано место СУАР в казахстанско-китайских отношениях¹⁹. Отношения КНР с Казахстаном с публикацией основных документов представлены в авторском трехтомнике²⁰. Он также рассматривает проблему безопасности региона, в том числе через призму этнического сепаратизма²¹, обращается к проблематике «Большой игры» в Центральной Азии²².

Другие региональные академические и научно-исследовательские структуры публиковали сборники трудов и отдельные работы, посвященные рассмотрению различных аспектов взаимодействия КНР со странами региона²³. Следует отметить

научной конференции 22 мая 2009 г. / Под ред. А. В. Старцева. Барнаул, 2009. 258 с.; Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29 апреля 2010 г. Вып. II / Под ред. А. В. Старцева. Барнаул, 2010. 326 с.

¹⁸ Кадырбаев А. Ш., Сыроежкин К. Л. Китай и Центральная Азия: история и современность // Казахстан и мировое сообщество. 1995, №3; Ауэзов М. Китайско-казахстанские отношения: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №3 (4). С. 137–147; Хафизова К. Ш. О казахстанско-китайских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 1998. №4. С.34–41; Она же. Трансграничные отношения: Синьцзян-Казахстан // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3(9) // URL : <http://www.cac-s.org/journal/cac-09-2000/12.Khafizov.shtml> (дата обращения: 19.08.2010); Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы: научное издание. – Алматы, 2005. 232 с.

¹⁹ Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях / Под общ. ред. К. Л. Сыроежкина. Алматы, 1997. 239 с.

²⁰ Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. Алматы, 2010. – в 3 т.

²¹ Сыроежкин К. Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006; Он же. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003. 299 с.

²² Сыроежкин К. Л. «Большая игра» в Центральноазиатском регионе // Институт экономических стратегий-Центральная Азия. 2007. №5. URL : <http://www.inesnet.kz/karkas/158-konstantin-syroezhkin-bolshaja-igra-v.html> (дата обращения: 11.09.2011).

²³ См., напр.: Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества. Алматы, 2008. 296 с.; Китай и страны Центральной Азии в современных геополитических реалиях. Сборник статей. / Под ред. Л. Музапаровой. Алматы, 2008. 130 с.; Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы. Алматы, 2007. 47 с.; Китай глазами казахстанцев. Алматы, 2012. 278 с.; Мирзаев Р. С. Геополитика Нового Шелкового пути. М., 2004. 304 с.; Омаров Н. М. Китай во внешней политике суверенного Кыргызстана: основные тенденции и перспективы // Вестник КРСУ. 2004. Том 4, №4. С. 19–25; Усубалиев Э. «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана – двусторонний и региональный уровни // Информационный портал «ЦентрАзия». 2009. 9 марта. URL : <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1236599880> (дата обращения: 01.10.2011); Olimova S. Multifaceted Chinese Presence in Tajikistan // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2009. Vol.7, №1. February. P. 61–77 и др.

работы коллектива независимых экспертов под руководством В.В. Парамонова²⁴. Остальные работы центральноазиатских авторов представлены научными статьями и не носят комплексного характера.

Проблемами, по тематике близкими данному исследованию, занимались и англоязычные авторы. Одна из первых западных работ, опубликованных после распада СССР, в которой предпринята попытка сформулировать цели и задачи китайской дипломатии в регионе, стала статья Л. Харрис²⁵.

Существенный интерес экспертов вызвала энергетическая ситуация на Северо-западе Китая и перспективы сотрудничества СУАР КНР со странами региона. Как правило, рассматривается общая ситуация с углеводородными ресурсами, позиции региональных акторов, а также инфраструктурные проекты. Проблематикой занимаются политологи С. Блэнк, К. Шейвес, Н. Сванстрём, С. Уолландер, П. Бустело и ряд других²⁶.

Попытка оценки новой ситуации в Центральной Азии была предпринята в сборнике «Трансграничные этнические вызовы. Головоломка для России и Китая в Центральной Азии». Формат сборника позволил представить официальную позицию Китая, мнения исследователей из стран Центральной Азии, Китая и России²⁷.

Оценкам места и роли ШОС в региональной подсистеме международных отношений посвящены работы Н. Контесси, Э. Кули, Э. Гистоцци, Э. Бэйлза²⁸.

Западные политологи продолжают работать в рамках научно-исследовательских проектов, среди которых можно отметить программы корпорации «РЭНД» и М. Бёрлза²⁹;

²⁴ Парамонов В. Китай и Центральная Азия: состояние и перспективы экономических отношений. Русская серия 05/25 (R). Май 2005. Camberley. 23 p.; Paramonov V., Rashidov O., Stokov A., Stolpovsky O., Sattarov Sh. Economic Presence of China in Kyrgyzstan // Центральная Евразия. Авторский проект В. Парамонова. URL : <http://ceasia.ru/english/economic-presence-of-china-in-kyrgyzstan.html> (дата обращения: 14.02.2011); Paramonov V. China & Central Asia: Present & Future of Economic Relations, 2005; Парамонов В., Строчков А., Столповский О. Экономическая политика Китая в Центральной Азии (часть 2) // Время Востока. 2010. 29 марта. URL : <http://www.easttime.ru/analytic/1/8/768.html> (дата обращения: 06.10.2010)

²⁵ Harris L. C. Xinjiang, Central Asia and the Implications for China's Policy in Islamic World // The China Quarterly. March 1993, №133.

²⁶ Blank S. The Eurasian Energy Triangle: China, Russia and the Central Asian States // The Brown Journal of World Affairs. Vol. 12, Issue 2, P. 53–67; Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy towards Central Asia // Pacific Affairs. 2006. Vol.79, No.2. P. 205–224; Swanstrom N. An Asian Oil and Gas Union: Prospects and Problems // CEF Quarterly. 2005. №3. 2005. P. 88; Wallander C. China's Energy Policy in the Geopolitical Context. 2008. 38 p. // URL : <http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/> (дата обращения: 20.01.2012); Bustelo P. China and the Geopolitics of Oil in the Asian Pacific Region. Madrid, 2005. 32 p.; Swanstrom N., Norling N., Zhang Li. The New Silk Roads. Stockholm, 2007. P. 383-422; Swanstrom N. China and Greater Central Asia: New Frontiers? Silk Road Paper. Stockholm, 2011. December. 84 p.

²⁷ Ethnic challenges beyond borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum. Ed. by Yongjing Zhang and Rouben Aziziah. L., 1998. 240 p.

²⁸ Contessi N.P. China, Russia and the Leadership of the SCO: a Tacit Deal Scenario // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol.8, №4; Cooley A. The Stagnation of the SCO. Competing Agendas and Divergent Interests in Central Asia. N.Y., 2009. 5 p.; Giustozzi A. Matveeva A. The SCO: A Regional Organisation in the Making. Series No.2. L., September 2008. 30 p.; Bailes A., Dunay P., Pan Guang, Troitskiy M. The Shanghai Cooperation Organization. SIPRI Policy Paper No.17, Stockholm, 2007. 66 p.

²⁹ Burles M. Chinese policy toward Russia and the Central Asian Republics. Santa Monica, 1999. 100 p.

Института Центральной Азии и Кавказа³⁰. Под руководством Г. Фуллера и Ф. Старра была подготовлена работа «Синьцзян: мусульманская граница Китая»³¹. В 2006 г. появился сборник Института Центральной Азии и Кавказа, объединивший исследователей из Швеции и Китая³².

В рамках специализированных программ по уйгурской проблеме следует отметить представителя Института международных исследований (г. Женева) Т. Келлнера. Большую теоретическую и практическую ценность представляет его исследование на французском языке, посвященное политике КНР в Центральной Азии в 1991–2001 гг. Однако, на сегодняшний день работа существенно устарела³³.

Различные сценарии развития ситуации в регионе, а также попытки обобщения политики ведущих держав в регионе представляли Ю. Румер, Д. Тренин, Чжао Хуашэн, Л. Диттмер, Е. Кавальски³⁴. Прежнее направление исследований Синьцзяна продолжил Ф. Старр³⁵. Внешнеполитические стратегии КНР в различных регионах и их практическое применение характеризуют Э. Мейдерос, И. Шичор, Р. Двиведи³⁶. Проблематику развития Синьцзяна и его интеграцию в региональные структуры на материалах предшествующего периода рассматривал М. Кларк³⁷. Проблемы безопасности региона и участия в диалоге Китая исследовали Р. Онг и Э. Вишник³⁸.

Материал по безопасности представил Конгрессу США Д. Никол³⁹. Со своей стороны, 106-й Конгресс предложил свой вариант развития инициативы «Великого Шелкового пути». Он уделял большое внимание демократизации, рыночным преобразованиям, гуманитарной составляющей, разрешению конфликтов, развитию транспорта и инфраструктуры и определил основные направления научных исследований по проблематике.

³⁰ Fuller G.E., Starr S.F. *The Xinjiang Problem*. N.Y., 2004. 82 p.

³¹ *Xinjiang. China's Muslim Borderland* / Ed. by Starr S.F. N.Y., 2003. 506 p.

³² *The New Great Game. Chinese Views on Central Asia* / Ed. by Ch. Hawkins, R. Love. Fort Leavenworth, 2006. 194 p.

³³ Kellner T. *L'Occident de la Chine Pekin et la nouvelle Asie centrale (1991-2001)*. Geneve, 2006.

³⁴ Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng. *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. N.Y., 2007. 233 p.; Dittmer, L. *Central Asia and the Regional Powers* // *The China and Eurasia Forum Quarterly*. 2007. Vol. 5. №4. P. 7–22; *The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors* / Ed. by Kavalski E. Singapore, 2010. 346 p.

³⁵ Starr F. *Central Asia's Reemerging Transport Network: Promise and Perils for Mountainous Regions*. Paper for the International Workshop Strategies for Development and Food Security in Mountainous Areas of Central Asia. Dushanbe. 2005. 6 p.

³⁶ Medeiros E. *China's International Behavior* // Rand Corporation. URL : http://www.rand.org/pubs/monographs/2009/RAND_MG850.pdf. 279 p. (дата обращения: 16.09.2011); Shichor, Y. *China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective* // *The China and Eurasia Forum Quarterly*. 2008. Vol. 6, №2. P. 55–73; Dwivedi R. *China's Central Asia Policy in Recent Times* // *CEF Quarterly*. 2006. Vol.4. No.4. P. 139–159.

³⁷ Clarke M. *China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a "Silk Road" to Great Power Status?* // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2008. Vol.6. No. 2.

³⁸ Ong R. *China's security interests in Central Asia* // *Central Asian Survey*. 2005. Vol.24. Issue 4. P. 425–439; Wishnick E. *China's Challenges in Central Asia*. PONARS Eurasia Policy Memo. N. Y., 2009. No.73. 6 p.

³⁹ Nichol J. *Central Asia's Security: Issues and Implications for U.S. Interests*. CRS Report for Congress. Congressional Research Service. 7-5700. RL30294. 2010. 71 p.

Новые модели взаимодействия Китая и стран Центральной Азии отражены в исследованиях С. Пейруза, Р. Аллисона и Л. Йонсон⁴⁰. Проблемам определения границ региона и теоретизированию в рамках «старого» и «нового» регионализма посвящены работы Ф. Старра, А. Бора⁴¹.

Одна из последних по времени попыток создания комплексного исследования была предпринята М. Ларюэль и С. Пейрузом в 2009 г. в рамках монографического исследования «Китай как сосед: перспективы Центральной Азии». С. Пейруз также принял участие в нескольких самостоятельных исследовательских проектах⁴².

Достаточно давно разрабатывает проблематику современной истории Центральной Азии М.Б. Олкотт⁴³. Часть ее работ встречается в переводных исследованиях на китайском языке, что свидетельствует об интересе к проблематике.

В большинстве своем американские и европейские авторы предпочитают работать в рамках авторских коллективов, они характеризуются хорошей проработкой проблематики и различными подходами. Однако, данные работы могут быть использованы лишь частично, так как западная историография очень четко ориентирована на достижение внешнеполитических задач.

В китайской историографии исследования Центральной Азии достаточно хорошо представлены в работах Академии общественных наук (АОН) КНР, которая переориентировалась с изучения СССР на страны региона. Расширение количества и качества работ по Центральной Азии знаменовало собой изменение подходов к региональной политике, а также повышение места и роли Центральной Азии во внешней политике КНР. Большинство исследований проводилось в рамках исследовательских грантов, а материалы были доступны в формате статей и отдельных монографий.

Начальный этап сотрудничества ознаменован появлением большого количества работ китайских экономистов, которые призваны расширить представления о соседних государствах для реализации основных направлений «политики реформ и открытости»⁴⁴.

⁴⁰ Peyrouse S. Central Asia's growing partnership with China. EUCAM Working paper. 2009. No.04. October. Brussels. 12 p.; Allison R. Structures and frameworks for security policy cooperation in Central Asia / Ed. Roy Allsson and Lena Jonson. Central Asian security. L., 2001. P. 219–246.

⁴¹ Starr F. In Defense of Greater Central Asia. Stockholm, 2008. 20 p.; Bohr A. Regionalism in Central Asia: new geopolitics, old regional order // International Affairs. 2004. No.80. Vol. 3. P. 485–502.

⁴² Peyrouse S. Central Asia's growing partnership with China. Working Paper. October 2009. EU-Central Asia Monitoring. Brussels, Madrid, 2009. 14 p.

⁴³ См., напр.: Многомерные границы Центральной Азии / Под ред. М. Б.Олкотт, А. В. Малашенко. М., 2000. 97 с.

⁴⁴ См., напр.: Чжунъя ую шоу цэ (Справочник: государства Центральной Азии). Урумчи. 1992. 290 с.; 93 нянь Чжунго дуй Ду лянъти гоцзя шанью чжинань (Практический справочник по внешней торговле со странами СНГ в 1993 г.) / Гл. ред. Сюй Цзинсюэ. Харбин, 1993. 1045 с.; Гэго гайкуан. Чжунъя (Справочник по государствам Центральной Азии). Пекин, 1996. 136 с.

Монографические работы в начале 1990–х гг. представляли большую редкость, в этом ряду можно выделить лишь Сунь Чжуанчжи, Ма Маньли, Ни Голяна, работавших по трансграничным исследованиям⁴⁵.

Попытку первого комплексного исследования региональной политики КНР в Центральной Азии представил в 1996 и 1999 гг. Син Гуанчэн⁴⁶. В 1998 г. выходит работа У Фухуаня и Чэнь Шиминя «Исследования Китая и Центральной Азии»⁴⁷. В 1999 г. были опубликованы монографии, которые определили круг наиболее известных в своих областях исследователей. Так, выходят первые работы Чжао Чанцина⁴⁸, Сунь Чжуанчжи⁴⁹.

К началу 2000–х гг. выделяются новые центры, формируется так называемая «шанхайская школа». Проблематикой ШОС здесь занимались Чжао Хуашэн, Ван Хайюнь, Сюй Тункай⁵⁰.

Своеобразным «толчком» для исследований по безопасности и геополитике послужили события 11 сентября 2001 г. и проникновение в регион США. Новую геополитическую ситуацию пытались проанализировать Сунь Чжуанчжи, Вэнь Юньчао, Фан Чжипин⁵¹. Одну из немногих китайских работ по «новым угрозам» в регионе представляет собой исследование авторского коллектива во главе с Юй Цзяньхуа⁵². В большинстве современных работ акцент смещен в сторону экономического сотрудничества – таковы монографии Цин Фанмина и У Хунвэй⁵³.

⁴⁵ ЧжуньЯ ую дуйвай гуаньси (Внешние связи пяти государств Центральной Азии) / Под ред. Сунь Чжуанчжи. Пекин. 1994. 237 с.; ЧжуньЯ яньцзю. ЧжуньЯ юй Чжунго тунюань куаго миньцзунцзюань (Исследования Центральной Азии. Сборник работ по контактам трансграничных народов Китая и Центральной Азии) / Под ред. Ма Маньли. Пекин. 1995. 330 с.; Сянси кайфан. Чжунго сибэй дицзюй юй ЧжуньЯ ую гуаньси яньцзю (Открытость на Запад – исследование региона Северо-запада КНР и отношения с пятью государствами Центральной Азии) / Под ред. Ни Голяна. Ланьчжоу, 1995. 254 с.

⁴⁶ Чжунго хэ синь дулидэ ЧжуньЯ гоцзя гуаньси (Отношения КНР с новыми независимыми государствами Центральной Азии) / Под ред. Син Гуанчэна. Харбин, 1996. 304 с.; Чжунго юй ЧжуньЯ (Китай и Центральная Азия) / Под ред. Син Гуанчэна, Сюэ Цзюньду. Пекин, 1999. 267 с.

⁴⁷ Чжунго юй ЧжуньЯ яньцзю вэньцзи (Исследования Китая и Центральной Азии) / Под ред. У Фухуаня, Чэнь Шиминя. Урумчи, 1998. 257 с.

⁴⁸ ЧжуньЯ ую гайлунь (Очерк по Центральной Азии) / Под ред. Чжао Чанцина. Пекин. 1999. 375 с.

⁴⁹ ЧжуньЯ ую дуйвай гуаньси (Международные отношения пяти стран Центральной Азии) / Под ред. Сунь Чжуанчжи. Пекин, 1999. 122 с.

⁵⁰ Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие материалы. 2005. №5. 63 с.; Ван Хайюнь. Укрепление сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему сотрудничеству. М., 2008. С. 91–95; Сюй Тункай. Реализация и углубление регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС. // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему сотрудничеству. М., 2008. С. 100–103.

⁵¹ ЧжуньЯ аньцюань юй Афухань вэньти (Безопасность Центральной Азии и проблема Афганистана) / Под ред. Сунь Чжуанчжи. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2003. 321 с.; ЧжуньЯ диюань чжэньчжи юй Синьцзян кайфан кайфа (Геополитика в Центральной Азии и развитие открытости СУАР) / Под ред. Вэнь Юньчао и др. Пекин, 2002. 206 с.; ЧжуньЯ дэ диюань чжэньчжи вэньхуа (Геополитическая культура Центральной Азии)/Под ред. Фан Чжипина. Урумчи, 2003. 384 с.; Фань Чжипин. ЧжуньЯ чжэньцзюй цзоуши вэймяо (Центральная Азия: деликатно о развитии политической ситуации). Урумчи, 2005. 395 с.

⁵² Юй Цзяньхуа. Шанхай хэцзо цзучжи фэй чуантун аньцюань яньцзю (ШОС: исследование нетрадиционных угроз безопасности). Шанхай, 2008. 378 с.

⁵³ Цин Фанмин. Чжунго юй ЧжуньЯ гоцзя цюйюй цзинци хэцзо яньцзю (Исследование регионального экономического сотрудничества КНР с Центральной Азией). Пекин, 2010. 184 с.; У Хунвэй.

Одной из последних комплексных работ по проблематике региона стала монография Чжао Хуашэна «Дипломатия Китая в Центральной Азии»⁵⁴. Несмотря на достаточно широкий контекст, работа вышла в начале 2008 г., что снижает ее ценность для данного исследования. Чжао Чанцин постарался обобщить собственные научные исследования в работе «Анализ сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии»⁵⁵. При заявленной тематике монография, в основном, затрагивает лишь торгово-экономическое сотрудничество.

Следует отметить, что работы, изданные на китайском языке, в силу различных причин зачастую остаются недоступными для российских специалистов.

В целом, можно сделать вывод, что центральноазиатская политика КНР остаётся слабоизученной. В отечественной науке работы, специально посвященные данной проблематике, отсутствуют, в исследованиях рассматривались только отдельные аспекты политики Китая в регионе. Комплексные зарубежные исследования, близкие к проблематике, встречаются в англоязычной (М. Бёрлз) и франкоязычной (Т. Келлнер) литературе, однако охватывают лишь период 1990–х – начала 2000–х гг. В китайской историографии можно выделить комплексные исследования (Син Гуанчэн, Чжао Хуашэн, У Хунвэй, Чжао Чанцин), однако первая работа посвящена текущим событиям 1990–х гг., поэтому морально устарела, вторая ограничена 2008 г. и не включает последние пять лет сотрудничества. Работы двух последних авторов в большей степени посвящены проблематике торгово-экономического сотрудничества.

Объект настоящего исследования – внешняя политика Китайской Народной Республики. **Предметом** исследования является политика Китая в Центральной Азии в 1990–2000–х гг.

Цель работы – определить место и роль центральноазиатских стран во внешней политике Китая в 1992 – 2012 гг.

Поставленная цель определяет постановку следующих исследовательских **задач**:

– проанализировать формирование современных научных представлений в КНР о Центральной Азии; дать характеристику достижений китайской школы центральноазиатских исследований в 1990–2000–х гг.;

– определить эволюцию внешнеполитических взглядов и практическую составляющую внешней политики Китая в рассматриваемый период;

ЧжуньЯ дицзюй фачжань юй гоцзи хэцзо цзичжи (Региональное развитие и механизмы международного сотрудничества в Центральной Азии). Пекин, 2011. 345 с.

⁵⁴ Чжао Хуашэн. Чжунгодэ ЧжуньЯ вайцзяо (Дипломатия Китая в Центральной Азии). Пекин, 2008. 464 с.

⁵⁵ Чжунго юй ЧжуньЯ гоцзя хэцзо силунь (Анализ сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии) / Под ред. Чжао Чанцина. Пекин, 2012. 314 с.

- выявить специфику Центральной Азии во внешней политике Китайской Народной Республики;
- изучить формирование региональной политики Китая после окончания «холодной войны» с учетом новых геополитических факторов;
- дать оценку потенциала сотрудничества, являющегося отправной точкой для развития внешнеполитического взаимодействия стран региона с Китаем;
- показать географическую, экономическую, этно-социальную и политическую специфику СУАР КНР, выделить факторы, определяющие его роль в развитии сотрудничества со странами региона;
- охарактеризовать политические отношения КНР с государствами региона путем анализа этапов формирования договорно-правовой базы сотрудничества, основных документов и формулировок, предложенных странам региона китайской стороной;
- выявить основные направления военно-технического сотрудничества КНР и стран Центральной Азии в рассматриваемый период;
- охарактеризовать процесс пограничного урегулирования КНР со странами региона;
- показать место и роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении региональной безопасности при многостороннем сотрудничестве;
- выделить этапы, выявить основные формы и механизмы торгово-экономического сотрудничества на различных этапах и их фактическое содержание.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1992 г. (установление дипломатических отношений и начальный период функционирования Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана в качестве независимых государств) по 2012 г. – двадцатилетний период, в который стороны попытались обобщить опыт предыдущего взаимодействия. Кроме того, год отмечен заключением соглашения о стратегическом партнерстве с еще одной страной региона – Узбекистаном (первым стала Республика Казахстан). Осенью 2012 г. к власти в КНР приходит новое, «пятое поколение» руководителей, что обуславливает частичный пересмотр региональной политики.

Территориальные рамки определяются наиболее общим и распространенным понятием региона Центральной Азии, в которое включают пять постсоветских государств: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Некоторые специальные работы представляют расширенное определение границ региона, в которое географически включается и китайский Синьцзян. В данном случае предпринята авторская попытка анализа региональной политики КНР в Центральной Азии, при

которой СУАР является частью КНР и рассматривается как пограничный регион, связанный с государствами региона наибольшим количеством соглашений и форм сотрудничества.

Методологической основой диссертационного исследования являются основные общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и аналогия), а также принципы системности и историзма.

Использование общенаучных методов позволяет сформировать комплексное представление о предмете исследования, проводить обобщения и делать специфические выводы на основе представленного фактического материала. Последние дают возможность проводить исторические и логические параллели между отдельными процессами и событиями.

В ходе работы использовался и ряд специально-научных методов. Историко-генетический метод позволил раскрыть характер изменений центральноазиатской политики Китая на протяжении всего постсоветского периода. Кроме того, он показал наличие существенных детерминант в поведении КНР на различных этапах осуществления конкретных внешнеполитических стратегий в регионе. С точки зрения историко-сравнительного метода показаны сходства и различия в позициях центральноазиатских стран при одобрении внешнеполитических предложений Пекина. Он раскрывает совпадение позиций в рамках национальных вариантов «многовекторной дипломатии», а также набора и выбора того или иного инструментария на переговорах и в дальнейшей внешнеполитической практике на всем протяжении формирования дипломатии новых независимых государств. Кроме того, даже в рамках одного государства можно встретить полярные позиции при использовании официальных и независимых источников. При формировании конкретных подходов часть такого рода препятствий для внешнеполитической деятельности снимается.

Политика КНР в регионе Центральной Азии рассматривается в представленном исследовании как сложившаяся и эволюционирующая система, имеющая свои специфические особенности и направления развития. Использование одного из наиболее общих подходов – системного при рассмотрении международных отношений в конкретном региональном срезе позволило определить векторы исторического развития предмета, а также обнаружить причинно-следственные связи между изменениями в среде и за ее пределами. Системный подход в международных отношениях разрабатывался как в

западной (М. Каплан, К. Уолтц, Б. Бузан)⁵⁶, так и в отечественной (А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева) науке⁵⁷. Примерами прикладного использования системного подхода послужили исследования А.Д. Богатурова по динамической стабильности⁵⁸ и А.Д. Воскресенского, разработавшего концепцию многофакторного равновесия⁵⁹. В совместной работе А.Д. Воскресенского и С.Г. Лузянина представлен анализ традиционных моделей взаимодействия Китая с государствами «периферии», включая условно выделяемую китаецентристскую модель и модель договорных отношений⁶⁰. В китайских моделях можно встретить понятие «стратегическое равновесие», в котором сочетаются элементы как первого, так и второго подходов⁶¹, разрабатывается инструментарий международных отношений⁶². Рассматривались различные концепции, начиная с концепции «мира и развития» (*хэпин юй фачжань*) и заканчивая концепцией «гармоничного мира» (*хэсе шицзе*). Для определения понятия «регион» использовались разработки отечественных авторов М.М. Наринского, А.В. Мальгина⁶³.

Использование системного анализа и системное моделирование при постановке задач и их решении на отдельных этапах исследования потребовало применения методов политической науки. Прикладные методы, включая «кейс-стади», контент-анализ, инвент-анализ, существенно расширили инструментарий исследования.

Источниковая база. Исторические источники, использованные в диссертации, можно разделить на следующие виды – нормативные, делопроизводственные документы, статистико-справочные издания, периодическую печать, документы личного происхождения. По типовому признаку они делятся на письменные и электронные.

1. *Нормативные источники* формируют основу для изучения современного состояния центральноазиатской политики Китайской Народной Республики. К ним

⁵⁶ Kaplan M. *System and Process in International Politics*. Colchester, 2005. 252 p.; Waltz K. *Theory of International Politics*. N.Y., 1979. 255 p.; Buzan B., Little R., Jones Ch. *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism*. N.Y., 1993. 267 p.

⁵⁷ Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М., 2002. 384 с.

⁵⁸ Богатуров А. Д. *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)*. М., 1997. 349 с.

⁵⁹ Воскресенский А. Д. *Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М., 2000. С. 413–440; Воскресенский А. Д. *Россия и Китай: парадигма взаимодействия в исторической динамике и преемственности // Восток*. 1999. №3.

⁶⁰ Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. *Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина; МГИМО (У) МИД России; ИНО-Центр*. М., 2003. – С. 301–335.

⁶¹ См., напр.: Чжао Хуашэн. *Чжун-Э-Мэй цзай Чжунъя нэнфоу хэцзо (Возможности сотрудничества между КНР, Россией и США в Центральной Азии) // Чжаньлюэ юй гуаньли*, 2004. №2. С. 6.

⁶² Чжунго гоцзи гуаньси. *Лилунь яньцзю (Международные отношения в КНР: теоретические исследования) / Под ред. Чжао Кэцзиня, Ни Шисюна*. Шанхай, 2007. 406 с.

⁶³ Наринский М. М., Мальгин А. В. *Проблемы развития Содружества Независимых Государств на современном этапе // Вестник РАМИ*. 2001. №2. С. 33.

следует отнести, прежде всего, законодательные акты КНР, включая действующую Конституцию и Закон о районно-национальной автономии, определяющий функционирование соседствующего с государствами Центральной Азии Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эту же группу составили опубликованные документы – двух– и многосторонние договоры, подписанные КНР с государствами региона. Межгосударственные договоренности прошли несколько этапов развития и охватили все стороны взаимодействия Китая с центральноазиатскими странами, часть же многосторонних соглашений включала и других акторов. Смещение акцентов сотрудничества отражалось и на базовых соглашениях, прежде всего, в сфере безопасности. Наиболее важными стали договоренности о границе 1996 и 1997 гг., которые заложили основу для развития «шанхайского процесса» – ШОС. Многосторонние соглашения с высокой степенью заинтересованности китайской стороны подкреплялись договоренностями двусторонними (например, строительство нефтепровода «Казахстан–Китай» и газопровода «Центральная Азия–Китай», различные транспортные проекты и практика кредитования)⁶⁴. Особое место занимают документы о стратегическом партнерстве с Казахстаном и Узбекистаном, они характеризуют повышение места и роли этих государств в региональной политике КНР⁶⁵.

Отдельную группу источников составили нормативно-правовые акты стран Центральной Азии и КНР, определяющие базовые интересы, цели и приоритеты внешней политики и региональной дипломатии. Сюда относятся концепции внешней политики, национальной безопасности, «Белые книги» по обороне КНР⁶⁶. Они составили основу для

⁶⁴ См., напр.: Конституция Китайской Народной Республики, 4 декабря 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) // Консалтинговая группа «Окно в Китай». Законодательство Китая. URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 19.05.2009); Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа (Закон о национальной районной автономии КНР, 31 мая 1984 г. с изм. 28 февраля 2001 г.) // Официальный сайт правительства КНР, 19 июля 2005. URL : http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18338.htm (дата обращения: 07.11.2010); Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой (03.01.1992) // Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 3. Сборник документов. Алматы, 2010. С.20–21; Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы (Москва, 24 апреля 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 апреля 2002 г. №14 С. 1230; Соглашение между правительством КНР и правительством Республики Туркменистан о строительстве трубопровода, 03.04.2006 г. // Чжунхуа жэньминь гунхэго тяоюэцзи (Сборник соглашений Китайской Народной Республики за 2006 г.). Том 53. Пекин. 2007. С. 137–141.

⁶⁵ Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Казахстан об установлении и развитии стратегического партнерства, 04.07.2005 г. // Информационное агентство «Жэньминь жибао онлайн». 2005. 4 июля. URL : <http://russian.people.com.cn/31519/3516541.html> (дата обращения: 10.12.2009); Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан об установлении отношений стратегического партнерства, 6 июня 2012 г. // Информационное агентство «Синьхуа». 2012. 8 июня. URL: http://news.xinhuanet.com/2012-06/08/c_112153612_3.htm (дата обращения: 13.10.2012).

⁶⁶ См., напр.: Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства», 14.12.2012 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2012. 14 декабря. URL :

изучения динамики и современного состояния дипломатических отношений. При анализе этих источников можно определить, как менялось место центральноазиатских государств во внешней политике Китая.

2. *Документы делопроизводства.* Эта группа источников включает в себя заявления, пресс-релизы, стенограммы, доклады, отчеты, справки и материалы совещаний и встреч на различных уровнях, опубликованные правительственными подразделениями: администрациями, министерствами и ведомствами КНР и центральноазиатских государств, а также документы международных организаций. Большую роль сыграли документы, опубликованные дипломатическими представительствами КНР и стран региона, посвященные актуальным проблемам взаимодействия, а также материалы совещаний и встреч в рамках заседаний ШОС⁶⁷.

Следует выделить рабочие материалы специализированной комиссии по Синьцзяну при Госсовете КНР, которые определяли региональную политику при осуществлении взаимодействия с соседними государствами⁶⁸.

Документы делопроизводства позволяют определить национальные приоритеты сотрудничества, официальные позиции государств и их изменение на протяжении рассматриваемого периода. Фактический материал, представленный в данных источниках, характеризует весь комплекс межгосударственных взаимодействий.

http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-natsii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstan- (дата обращения: 01.03.2013); Закон Республики Узбекистан «Об обороне» от 3 июля 1992 г. (с изм. 11 мая 2001 г.) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL : http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=107702 (дата обращения: 17.08.2012); 2010 нянь Чжунгодэ гофан байпишу («Белая книга» по обороне КНР 2010 г.) // Официальный сайт правительства КНР. 2011. 31 марта. URL : http://www.gov.cn/jrzg/2011-03/31/content_1835289.htm (дата обращения: 09.09.2012).

⁶⁷ См., напр.: 2011 нянь Синьцзян вэй уэр цзычжицзюй жэньминь чжэнфу гуңцзо баогао (Рабочий отчет народного правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района на 2011 год) // Официальный сайт правительства КНР. 2011. 11 февраля. URL : http://www.gov.cn/test/2011-02/11/content_1801761.htm (дата обращения: 11.02.2011); Чжу Жунци цзунли цзай цзюцзе цюаньго жэньда сыцы хуэйишан дэ баогао (Чжайяо) (Доклад премьера Госсовета КНР Чжу Жунци на 4 сессии 9-го созыва ВСНП в кратком изложении) // Жэньминь жибао хайвайбань. 2011. 7 марта. URL : <http://www.people.com.cn/GB/paper39/2857/398752.html> (дата обращения: 11.02.2011); Чжунго тун Усыбекэсытаньдэ гуаньси (Отношения КНР с Узбекистаном. Справка) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики. 2011. 19 мая. URL : http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_34/sbgx/ (дата обращения: 09.09.2012).

⁶⁸ Синьцзян вэйуэр цзычжицзюй гомин цзинци хэ шэхуэй фачжань ди ши у унянь цзихуа ганяо (Основные положения 10-го пятилетнего плана экономического и социального развития для народной экономики СУАР) // Чжунхуа жэньминь гун хэ го гоцзя фачжань хэ гайгэ вэйюаньхуэй (Государственный комитет по делам реформы и развития КНР, официальный сайт). URL : <http://www.sdpc.gov.cn/fzgh/ghwb/dfgh/W020050614802779946348.pdf> С. 19. (дата обращения: 16.10.2012); 2010 нянь дуйкоу юаньцзян гуйхуа сяньму гуңцзо цинкуан (План мероприятий по осуществлению адресной поддержки в 2010 г.) // Официальный сайт Комитета по реформе и развитию СУАР. 2011. 2 марта. URL : <http://www.xjdr.gov.cn/content.jsp?urltype=news.NewsContentUrl&wbtreeid=10445&wbnewsid=3468> (дата обращения: 04.12.2012); Гоюань гуаньюй иньфа цюаньго чжугуи гуңнэнцзю гуйхуадэ тунчжи (Госсовет КНР: формирование регионального планирования в КНР) // Официальный сайт правительства КНР. URL : http://www.gov.cn/zwgk/2011-06/08/content_1879180.htm (дата обращения: 21.12.2010); 2011 нянь Синьцзян вэй уэр цзычжицзюй жэньминь чжэнфу гуңцзо баогао (Рабочий отчет народного правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района на 2011 год) // Официальный сайт правительства КНР. 2011. 11 февраля. URL : http://www.gov.cn/test/2011-02/11/content_1801761.htm (дата обращения: 11.02.2011).

Большую практическую ценность представляют доклады и аналитические записки, подготовленные различными экспертными советами, рабочими группами и научно-исследовательскими структурами, которые непосредственно вовлечены в систему принятия внешнеполитических решений. В этом ряду обращают на себя внимание экспертные заключения и аналитические записки Казахстанского института стратегических исследований⁶⁹. С китайской стороны документы публикуются в формате ежегодников по различным аспектам⁷⁰.

Большинство документов доступно на официальных Интернет-сайтах министерств иностранных дел, международных организаций, представительств и торгово-промышленных палат. Кроме того, в Китае принята практика создания интернет-порталов, посвященных основным направлениям сотрудничества. Часть материалов доступна в электронном виде и по подписке⁷¹.

3. *Статистико-справочные издания.* При подготовке диссертационного исследования были использованы статистические материалы, представленные как национальными органами статистики, так и в рамках международных организаций⁷². Круг этих источников позволяет проанализировать и представить различия в оценках тех или иных событий, выявить погрешности в подсчетах. Например, это касается суммы товарооборота, в которую большинство статистических служб стран региона не включает «челночную» торговлю. Здесь же следует отметить недостаточную развитость и прозрачность этих служб, отсутствие данных (например, по началу 1990–х гг. для Таджикистана).

⁶⁹ См., напр.: Безопасность Казахстана на современном этапе. Статьи, интервью, выступления. / Под ред. Ашимбаева М. С. Алматы, 2002; Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы: Маг. междунар. «круглого стола» (26 сентября 2006 г.). Алматы, 2007. 47 с.; Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству: монография. – В трех книгах. Книга 3. Сборник документов. Алматы, 2010. 521 с.

⁷⁰ См., напр.: Шанхай хэцзо цзучжи фачжань баогао, 2011. Шанхай хэцзо цзучжи ши чжоуньян чжуанци (Доклад о развитии ШОС, 2011 г. Сборник, посвященный 10-летию организации) / Под ред. У Эньюан и У Хунвэя. Пекин, 2011. 352 с.; Шанхай хэцзо цзучжи фачжань баогао (2012 бань) (Доклад о развитии ШОС в 2012 г.) / Под ред. Ли Цзиньфэна и У Хунвэя. Пекин, 2012. 334 с.; Чжунъя Гоцзя фачжань баогао. 2012. (Отчет о развитии Центральной Азии в 2012 году, Желтая книга) / Под ред. Сун Ли, У Хунвэя. Пекин, 2012. 358 с.; Гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо. Ланьпишу. 2009-2010. (Международная ситуация и дипломатия Китая, 2009-2010 гг. Синяя книга). – Пекин, 2010. 370 с.

⁷¹ См., напр.: СПС «Гарант»; База данных «Законодательство стран СНГ. СоюзПравоИнформ». URL : <http://base.spinform.ru/> (дата обращения: 10.10.2009); Фалюй цзяюй ван (Правовое образование). URL : <http://www.chinalawedu.com/> (дата обращения: 09.10.2011); Информационно-правовая система Кыргызской Республики «Токтом»; Чжунго цзинцзисюэ цзяюй кяньван (Научно-образовательный портал по экономике Китая). URL : <http://www.cenet.org.cn/> (дата обращения: 26.03.2009); Информационный портал «Закон.kz». URL : <http://zakon.kz/> (дата обращения: 19.10.2010).

⁷² См., напр.: Чжунго тунцзи няньцзянь. 1993-2011 (Статистические ежегодники КНР за 1993-2011 гг.). Пекин, 1993-2012; Чжунго коуань няньцзянь (Ежегодная статистика по открытым портам Китая). Пекин, 2008-2010; Синьцзян тунцзи няньцзянь 2010-2012 (Статистический ежегодник по Синьцзян-Уйгурскому автономному району за 2010-2012 гг.). Урумчи, 2010-2013; Агентство Республики Казахстан по статистике. URL : <http://www.stat.kz/> (дата обращения: 08.02.2013); Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. URL : <http://www.cisstat.com/> дата обращения: 28.01.2013).

Кроме того, в данной подгруппе источников широко представлены справочные издания различных временных периодов. Важные данные представляют китайские сборники, в них содержится анализ слабых и сильных сторон центральноазиатского рынка⁷³.

4. *Периодическая печать.* Для реконструкции изучаемых процессов и событий были использованы материалы ведущих китайских, центральноазиатских, российских и западных (прежде всего, американских) газет и журналов. Наибольшее внимание странам Центральной Азии уделяется в китайской прессе, выпускаются как специализированные академические издания («Рынки Восточной Европы, России и Центральной Азии», «Исследования Восточной Европы и Центральной Азии»), так и информационно-справочные, публикуемые на русском и китайском языках («Информация Центральной Азии»). Фактологические данные восстановлены благодаря архивам газеты «Жэньминь жибао». Региональной спецификой обладают данные, предоставленные информационным агентством «Тяньшаньнет», электронными газетами «Синьцзян жибао», «Синьцзян душибао», другими информационно-аналитическими порталами. Важность представленных источников трудно переоценить, так как они публикуют не только официальную информацию, но и иногда предполагают возможность комментариев, что позволяет сделать определенные выводы.

Сообщения центральноазиатских информационных агентств представляют собой как официальную информацию, так и мнения независимых исследователей. Таковы порталы «ЦентрАзия», «Фергана.ру», «Время Востока», «Хабар», «Номад (Кочевник)». Большинство крупных региональных исследовательских структур и центров в основном публикуют собственные периодические издания. Характерно, что актуальная информация дублируется в сообщениях нескольких агентств одновременно. При наличии актуальной информации не всегда доступны архивы, особенно это касается начала–середины 1990–х гг.

5. *Документы личного происхождения.* Эту группу источников представляют в диссертации выступления, заявления, интервью официальных лиц: государственных деятелей, дипломатических работников, представителей министерств и ведомств, сотрудников международных организаций. Материалы такого рода позволили уточнить отдельные положения, представленные в других видах источников, прокомментировать, пояснить или оценить необходимость и эффективность принятия того или иного решения или документа на определенном историческом этапе. Также они позволили оценить динамику межгосударственного взаимодействия, подтвердить или опровергнуть заявленные внешнеполитические цели и задачи.

⁷³ См., напр.: Гэго гайкуан. Чжунъя (Справочник по государствам Центральной Азии). Пекин, 1996. 136 с.; Чжунъя уго гайкуан (Ситуация в пяти государствах Центральной Азии) / Под ред. Ван Пэя, Урумчи, 1997. 418 с.

Несмотря на небольшой временной отрезок, прошедший с начала взаимодействия, период 1990–2000-х гг. уже достаточно хорошо представлен в мемуарной литературе. Отдельно следует остановиться на воспоминаниях бывших и настоящих глав государств: Цзян Цзэминя, Н.А. Назарбаева, И.А. Каримова, А.А. Акаева⁷⁴. При большом фактическом материале, работы всё же относятся к жанру политической публицистики. Существенным недостатком китайских работ является идеологическая составляющая. Сочинения центральноазиатских лидеров, в основном, апеллируют к национальной истории и обращены к собственным народам.

Особую важность представляет собой мемуарная литература непосредственных участников принятия внешнеполитических решений, в частности, премьер-министра КНР Ли Пэна (1988–1998 гг.), премьер-министра (1999–2002 гг.) и главы МИД Казахстана К.К. Токаева (1994–1999; 2002–2007 гг.)⁷⁵. Последний оставил наиболее подробные воспоминания, которые публиковались как в виде отдельных работ, так и в виде интервью.

Источники личного происхождения в самом общем виде помогают пониманию характера взаимодействия между КНР и государствами Центральной Азии. Мемуары и воспоминания ряда российских и центральноазиатских государственных деятелей и дипломатов позволяют воссоздать атмосферу двух- и многосторонних отношений с КНР⁷⁶.

Источниковая база исследования не исчерпывается выше описанными материалами. На полевых исследованиях автора, проведенных в ходе длительного и неоднократного пребывания в КНР и странах региона, включая встречи и беседы с представителями государственного аппарата, основана часть выводов. Кроме того, они положительно сказались на результатах исследования, позволив сопоставить официальные позиции и общественное мнение, а также более полно проанализировать наиболее сложные проблемы отношений КНР и государств Центральной Азии.

Привлеченный круг источников позволяет решить поставленные в диссертационном исследовании задачи.

⁷⁴ Цзян Цзэминь вэньсюань (Избранные труды Цзян Цзэминя). Т. 1-3. Пекин, 2006; Назарбаев Н. А. Пять лет независимости. Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстан. Алматы, 1996. 621 с.; Назарбаев Н. А. Критическое десятилетие. Алматы, 2003. 240 с.; Назарбаев Н. А. На пороге XXI века. Алматы, 2003. 288 с.; Акаев А. А. Памятное десятилетие. Трудная дорога к демократии. М., 2002. 525 с.; Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. 320 с.; Каримов И. А. На пути преодоления последствий мирового кризиса, модернизации страны и достижения уровня развитых государств. Ташкент, 2010. 250 с.

⁷⁵ См., напр.: Хэпин, фачжань, хэцзо. Ли Пэн вайши жици (Мир, развитие, сотрудничество. Внешнеполитический дневник Ли Пэна). Пекин, 2008. 522 с.; Токаев К. К. Свет и Тень. Очерки казахстанского политика. М., 2008. 544 с.

⁷⁶ Турарбеков Б. Делимитация границы как она есть // Континент. 2000. № 22 (35). 12–29 ноября; Султанов К. С. Наш сосед – Китай // Казахстан и мировое сообщество. №3(4). 1995; Султанов К.С. Состояние и перспективы казахстанско-китайского сотрудничества // Саясат. 1998. №10 (июль).

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается в принципиально новой для отечественной науки попытке комплексного изучения истории современной центральноазиатской политики Китая. Научная новизна может быть представлена в нескольких аспектах:

– выделены этапы истории центральноазиатской политики Китая на современном этапе (1992–2012 гг.);

– проанализированы внешнеполитические концепции Китая применительно к конкретному региону: концепция «ответственной большой державы» (*цзэжэнь даго*); концепция «мирного усиления Китая» (*хэпин цзюэци*); концепция «мягкой силы» (*жуань шили*); концепция «гармоничного мира» (*хэсе шицзе*);

– представлено формирование региональной политики Китая в отношении стран региона в рассматриваемый период;

– показано место Центральной Азии во внешней политике Китая, а также его эволюция в 1990–2010-х гг., в том числе повышение роли региона после 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции в Афганистане;

– детально рассмотрен блок центральноазиатских исследований в КНР, показаны основные направления развития научно-исследовательских центров по проблематике, особенности их формирования и специализации в 1990–2000-е гг.;

– определены принципы и факторы формирования сотрудничества, приведены оценки потенциала сотрудничества;

– рассмотрен весь комплекс межгосударственного взаимодействия в постсоветский период, вплоть до смены политического руководства КНР в октябре 2012 г.;

– в научный оборот введен ряд китайских источников, ранее не рассматривавшихся отечественной исторической наукой.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1). Центральноазиатские исследования в Китае по-прежнему остаются недостаточно развитыми. Несмотря на создание сети региональных филиалов АОН КНР, ведущими центрами остаются Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР (Пекин) и два центра в Фуданьском университете (Шанхай), именно они определяют сущность и подходы к осуществлению практической деятельности, в том числе в рамках внешнеполитических решений. Существенная часть исследований представлена закрытыми докладами, финансируемыми правительством.

2). Несмотря на неизменные внешнеполитические «пять принципов мирного сосуществования» КНР, для Центральной Азии в апреле 1994 г. был предложен их обновленный вариант, а именно «четыре принципа» (*сы сянь*) и «шесть мнений» (*люэзэ*

чжучжан), что свидетельствовало о новой роли государств во внешней политике Китая. На первом этапе установления и развития сотрудничества Китай ожидал возвращения в регион России, однако по итогам десятилетия было принято решение «активно входить в регион». Наибольшее значение для внешнеполитической деятельности КНР имели договоренности с Республикой Казахстан, с которой в 2005 г. был достигнут уровень «стратегического партнерства», что для китайской дипломатии может быть сравнимо с уровнем союзнических отношений. Практика была признана удачной и с 2012 г. была предложена для отношений с Узбекистаном.

3). По большинству показателей КНР и страны региона несравнимы, однако есть возможность использования для сравнения потенциалов отдельных частей КНР с государствами Центральной Азии. Несмотря на то, что СУАР КНР по важнейшим макроэкономическим показателям уступает Казахстану и Туркменистану, для всего периода характерна положительная динамика его развития, тогда как страны региона преодолели кризисные явления только к середине–концу 1990–х гг. и развивались в условиях высоких цен на сырье и материалы.

4). На развитии отношений сказывались как внешние, так и внутренние факторы, которые были позитивными и негативными. Также можно выделить целую группу объективных и субъективных факторов. Важнейшим является распад СССР и образование новых независимых государств. Китай стал одним из четырёх направлений внешней политики стран региона, что предопределило характер внешнеполитических доктрин, а именно – национальных вариантов многовекторной дипломатии (за исключением Туркменистана). Важным фактором развития сотрудничества стало признание государствами региона позиции Китая посредством принятия большинства внешнеполитических инициатив Пекина.

5). Центральная Азия занимает во внешней политике Китая важное, но не центральное место. Регион на современном этапе теоретического осмысления в КНР органично включается в понятие «три Азии», две из которых (Южная и Центральная) являются «большой периферией Синьцзяна».

6). Отправной точкой для развития дипломатии Китая с приграничными государствами и регионами является обеспечение внутренних потребностей КНР в рамках «четырёх модернизаций» и «политики реформ и открытости». Соответственно, дипломатия должна способствовать «курсу на рациональное обеспечение удовлетворения внутренних потребностей развития Китая», а также «обслуживать принципы и интересы КНР». В этом должны принимать активное участие и соседние с КНР страны путем их вовлечения в «большой экономический круг».

7). Закрепление новой роли Синьцзяна в региональной политике Китая происходит и за счет расширяющегося использования ресурсов развитых регионов страны в рамках «программы адресной помощи СУАР». Она была призвана заменить механизмы «большого освоения Запада», принятые в конце 1990–х – начале 2000–х гг. Одним из перспективных следствий реализации данной стратегии стало превращение Синьцзяна в региональный экономический центр.

8). В политической сфере, несмотря на накопленный опыт взаимодействия и большой объем договоренностей в формате «добрососедства и сотрудничества», сохраняются элементы взаимного недоверия. Китайская сторона отрицала наличие проблемных моментов в двусторонних связях, а на практике передала большую их часть в формат ШОС. В настоящее время Китай с двустороннего уровня взаимодействия активно переходит к многостороннему, что является характерной чертой его дипломатии и в других регионах мира.

9). Качественные сдвиги во взаимодействии со странами региона и Россией в сфере безопасности свидетельствуют об увеличении важности проблематики для Китая. КНР поддержала инициативу создания в ЦА «безъядерной зоны», однако большая часть инициатив китайской стороны второй половины 2000–х гг. относится к сфере экономики, что позволяет определить ее в настоящее время как приоритетную.

10). В рассматриваемый период Китай успешно для себя урегулировал пограничную проблему, оставшуюся в наследство от СССР. Проблематика получила название «утраченных» или «спорных» территорий или «неравноправных договоров», а после распада Советского Союза была во многом поднята искусственно. При урегулировании пограничных проблем Китая использовал практику «пакетных соглашений», которую поддержали лидеры национальных республик.

11). Создание ШОС для Китая является беспрецедентным шагом во всей истории государства. После решения пограничных проблем появилась возможность решать актуальные проблемы на многосторонней основе при фактическом лидерстве КНР. Контакты с Китаем важны для всех стран и с точки зрения выстраивания комплексной системы безопасности. Кроме того, организация – это наиболее приемлемый инструмент для «вовлечения» Китая в систему региональной безопасности.

12). С точки зрения экономической структуры, СУАР КНР и страны Центральной Азии являются конкурентами. В кризисные для мировой экономики периоды присутствие Китая на внешних рынках только возрастает – это обусловлено различными видами государственной поддержки при огромных избытках финансовых ресурсов в самом Китае. Базовая формула участия Китая в проектах на территории пяти государств региона – «ресурсы в обмен на инвестиции».

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертационное исследование представляет собой первое в отечественном востоковедении комплексное исследование истории центральноазиатской политики Китая в рассматриваемый период (1992–2012 гг.). В теоретическом плане полученные результаты могут быть использованы в качестве модели для воссоздания истории внешней политики в регионе Центральной Азии, а также для анализа текущей внешней политики Китая и его региональной составляющей. Большинство современных теорий и концепций, сформулированных и представленных Китаем в качестве «собственных», имеют непосредственную связь с западными и советскими моделями. Они могут выступать одновременно и как внутривнутриполитические, и как внешнеполитические. При этом приоритет отдается внутреннему развитию в рамках «благоприятной внешней ситуации», под которой понимается отсутствие крупномасштабных войн и конфликтов. При сочетании различных экспериментальных моделей, описанных при помощи собственных формулировок, появляется итоговая модель поведения на внешнеполитической арене.

Основные положения, тезисы и обобщения данного диссертационного исследования могут быть использованы при разработке основных и дополнительных курсов для направлений «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», при подготовке учебных и учебно-методических пособий по всеобщей истории, международным отношениям, регионоведению. Результаты исследования частично использованы при чтении курсов «Региональная и национальная безопасность», «Международные отношения и внешняя политика в АТР», «Политика Китая в Центральной Азии».

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были представлены и апробированы на заседании кафедры востоковедения Томского государственного университета. Промежуточные результаты исследования представлялись в докладах и сообщениях на 16 региональных, общероссийских и международных конференциях, семинаре Научно-образовательного форума по международным отношениям (НОФМО), молодёжном форуме «Новосибирская школа молодых экспертов–2012» по Центральной Азии, обсуждены в ходе и по итогам стажировок в МГИМО (У) МИД РФ, Казахском институте стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан (Алматы), университете-партнере Томского государственного университета в КНР (Шэньянский политехнический университет). Предварительные результаты исследования были опубликованы автором в личной монографии, а также в научных статьях общим объемом 34,2 п.л. Материалы постоянно обновляются в рамках специального курса «Политика Китая в Центральной Азии», читаемого для магистров по специальности «Востоочноазиатские исследования» в Томском государственном университете.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертации определяется целью, задачами и концепцией исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Во **введении** обосновывается актуальность, новизна, научная и практическая значимость проблемы, формулируется объект, предмет, цель и задачи работы, методология исследования, определяются ее хронологические и территориальные рамки, дается характеристика состава и информационного потенциала корпуса источников по теме диссертационного исследования, формулируются выносимые на защиту положения.

В первой главе **«Китайские представления о Центральной Азии»** определяются концептуальные подходы к понятию «Центральная Азия» в КНР, выявляется степень научной разработанности темы в китайской научно-исследовательской литературе в период 1990–2000-х гг., а также в исторической ретроспективе.

В первом разделе **«Определение понятия «Центральная Азия» в китайской картине мира»** на основе анализа различных по характеру источников и научно-исследовательских материалов представлена попытка синтезировать имеющиеся определения «Центральной Азии». С момента распада СССР китайские исследователи используют общую трактовку понятия, большинство работ посвящено рассмотрению ситуации в пяти государствах Центральной Азии (*Чжунъя уго*), фактически это «постсоветская Центральная Азия», включающая четыре республики Средней Азии и Казахстан. Терминология «Большой Центральной Азии» в Китае во многом обязана своему развитию контртеррористической операции США и НАТО в Афганистане, соответственно, не может быть принята в этом виде в Китае. Вариант «пяти республик» предполагает наличие не до конца структурированного пространства, которое представляется буфером между центральным Китаем и потенциальными конфликтными зонами. Концепция развития связей со странами региона предполагает включение интернациональных частей периферии мировой экономики в экономику Китая.

Во втором разделе **«Изучение Центральной Азии в КНР в 1990-х гг.»** анализируется начальный этап формирования современной научной школы по центральноазиатским исследованиям в КНР. Так как к началу 1990-х гг. в Китае не существовало четкого разделения исследователей по специализациям, характерным для западной науки, представлены работы из сфер международных отношений, геополитики, различные аспекты экономической науки и всеобщей истории в региональном аспекте. Этап 1990-х гг. совпадает со вторым и частично третьим этапом формирования центральноазиатских исследований в современном Китае, представленным автором. К

началу XXI века выделяется региональная составляющая исследований под руководством Академии общественных наук КНР (АОН КНР) на базе ее представительств. Преобладают исследования экономического сотрудничества, что вызвано необходимостью налаживания контактов с сопредельными государствами Центральной Азии и Россией. В этот же период появилась связь образовательных учреждений с научно-исследовательскими структурами. К началу 2000–х гг. можно выделить несколько тенденций в развитии центральноазиатских исследований: 1) появление большого количества новых исследовательских центров по проблемам Центральной Азии; 2) увеличение количества научных публикаций различного уровня; 3) расширение проблематики исследований, специализация центров по отдельным проблемам в рамках исследовательского поля; 4) рост качества исследований при использовании зрелого теоретического аппарата.

В третьем разделе *«Изучение Центральной Азии в КНР в 2000–х гг.»* представлены основные элементы центральноазиатских исследований в КНР на последнем этапе, а также задачи, которые поставлены перед научным сообществом Китая центральным правительством на 12–ю пятилетку. В основном они направлены на исследование трансграничных инфраструктурных проектов и гуманитарное сотрудничество, что соответствует китайской практике использования «мягкой силы». Задачи и направления сотрудничества были конкретизированы по итогам второго заседания специализированной рабочей группы по Синьцзяну (Пекин, 27–29 мая 2011 г.).

В рассматриваемый период приоритет отдавался исследованиям по экономическому сотрудничеству КНР со странами региона при максимальном использовании имеющихся двусторонних и многосторонних механизмов. В Синьцзяне были созданы различные экспериментальные модели по развитию сотрудничества, к участию в них привлекался как частный бизнес, так и государственные структуры. Политическое сотрудничество рассматривалось, в основном, в рамках научных школ Пекина (Центр исследований России, Центральной Азии и Восточной Европы) и Шанхая (Фуданьский университет). Однако, и у политических, и у экономических работ есть один общий недостаток – они во многом конъюнктурны. При этом, цели и задачи самих государств Центральной Азии в китайской историографии вообще не рассматривались.

Во второй главе *«Специфика региональной политики Китая»* рассматривается проблематика становления и развития центральноазиатской политики Китая, ее основные особенности в связи со сменой геополитической ситуации и изменениями в руководстве КНР.

В первом разделе *«Принципы формирования сотрудничества КНР и стран Центральной Азии»* представлена эволюция общих принципов внешней политики КНР в отношении Центральной Азии, а именно – «пяти принципов мирного сосуществования»,

которые были положены в основу типовых «Совместных заявлений» в период установления дипломатических отношений. Также они нашли отражение практически во всех двусторонних декларациях, подписанных в 1990–2000-е гг. В апреле 1994 г. во время поездки премьер-министра Ли Пэна по странам региона, «пять принципов» были немного изменены и стали представлять собой «четыре принципа» (*сы сяп*) и «шесть мнений» (*люгэ чжучжан*)

Со своей стороны, государства Центральной Азии определили следующие направления политики в отношении КНР: 1. Развивать отношения с КНР на основе предложенных «пяти принципов мирного сосуществования»; 2. Определить место Китая во внешней политике; 3. На основе политического диалога развивать торгово-экономическое сотрудничество; 4. Поддержать позицию Китая по проблеме сепаратизма («трех зол»); 5. Определить место и роль каждого государства в новой транспортной системе региона; 6. Развивать научно-техническое и культурное сотрудничество с КНР.

Второй раздел *«Факторы сотрудничества КНР с государствами центральноазиатского региона»* посвящен рассмотрению основных условий сотрудничества, так как именно они характеризуют весь комплекс межгосударственных связей, определяют базу для взаимодействия в политической сфере. При большом количестве методик и различных подходах к определению групп факторов, автором ввиду их особой значимости представлены следующие: исторический; внутривосточный; фактор мировой политики; геополитический; национальный и религиозный; фактор безопасности. Важнейшим внешним фактором, который оказал наибольшее влияние на развитие двусторонних отношений Китая со странами региона, стало кардинальное изменение региональной подсистемы международных отношений после распада СССР и образование в регионе Центральной Азии пяти независимых национальных государств.

В исторической перспективе все факторы могут сыграть как положительную, так и отрицательную роль для развития стран региона, а также для двух- и многосторонних отношений в связке КНР–Центральная Азия. Положительные тенденции связаны с развитием взаимовыгодного экономического сотрудничества с учетом взаимных интересов. Отрицательные – «вовлечением», а затем и встраиванием отдельных частей региона в китайскую экономику, превращением государств в её сырьевой придаток. Существенным негативным фактором являются и экономико-экологические проблемы, включая проблему водопользования. При ослаблении политической власти в любой стране региона возможно усиление негативных факторов.

В третьем разделе *«Формирование региональной политики Китая после окончания «холодной войны»»* рассматриваются особенности формирования набора политических, экономических и культурных детерминант, направленных «вовне», отражением которых стала современная региональная политика КНР. Концептуально она была оформлена лишь в конце 2010 г., после принятия «Документа №46». Отправной точкой для развития дипломатии Китая с приграничными государствами и регионами является обеспечение внутренних потребностей КНР, а именно – задач национального строительства и развития в рамках «четырёх модернизаций» и «политики реформ и открытости». Они же определяют характер и основные принципы развития отношений с «периферией» на основе сотрудничества в сфере безопасности, формируют «благоприятную окружающую среду». Соответственно, дипломатия должна способствовать «курсу на рациональное обеспечение удовлетворения внутренних потребностей развития Китая», а также «обслуживать принципы и интересы КНР». В этом должны принимать активное участие и соседние с КНР страны путем их «вовлечения в большой экономический круг».

Современная центральноазиатская стратегия Пекина рассматривается как система мероприятий и механизмов, направленная на поддержание в регионе долгосрочной стабильности в рамках ключевых концепций развития Китая, а также «двухвекторное» встраивание – Китая в Центральную Азию и Центральной Азии в Китай при активной роли КНР. Это подтверждается большинством теоретических разработок китайской стороны (в том числе, «мира и развития», политики «реформ и открытости», «строительства гармоничного региона»). Практическая составляющая более разнообразна, однако укладывается в одну из многочисленных китайских формулировок: «скелетом являются двусторонние отношения, важными частями – отношения с «крупными державами» (*даго*) и многостороннее сотрудничество на базе ШОС».

В четвертом разделе *«Оценки потенциала сотрудничества КНР и стран Центральной Азии»* приводятся подходы отечественных (М. Ф. Видясовой и Л. А. Фридмана, С. В. Жукова, О. Б. Резниковой), западных (Ф. Старра) и китайских (Жэнь Цюньло, Вэнь Яньи, Сун Ли) авторов, рассматривавших отношения государств региона с Китаем в рамках экономического анализа. Для КНР приоритетность определения потенциала сотрудничества отмечалась в рамках применения концепции «комплексной государственной мощи» для оценки того или иного государства. Понятие, в которое включаются различные составляющие, неоднократно встречается в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК.

Однако, для оценки потенциалов была взята не вся КНР, а ее часть – СУАР, подобный подход встречается и в некоторых работах китайских авторов. В итоге сравнений различных экономических показателей СУАР и пятерки стран региона, необходимо отметить, что позиции Синьцзяна на фоне пятерки стран существенно выросли за период осуществления «политики большого освоения Запада», сейчас он занимает 2–3 место, однако отстает от Казахстана и Туркменистана, особенно по среднедушевым показателям. По многим направлениям сотрудничества речь идет об экономической взаимозависимости, а при существенном различии потенциалов – и об односторонней экономической зависимости государств региона от КНР.

В третьей главе «**СУАР во внешней политике КНР**» рассматриваются основные характеристики современного региона, в том числе географические, социально-экономические, определяющие место и роль Синьцзяна в региональной стратегии КНР на Северо-западе. Исследуются основные законодательные акты национального и регионального уровня в части их направленности «вовне» (*цзоучуцзюй*) за весь период «реформ и открытости», а также шаги государства по превращению Синьцзяна в региональный экономический центр.

В первом разделе «*Роль и место Синьцзян-Уйгурского автономного района в регионе Центральной Азии*» представлены географические характеристики, национальный состав СУАР, приведены основные социально-экономические показатели. Анализируется складывание системы открытости в масштабах административно-территориальной единицы КНР в сочетании с особенностями экономического районирования.

В различных законодательных актах КНР Синьцзян относился к «переднему краю» открытости (*цяньянь*), на него традиционно приходилась большая часть региональной торговли с Центральной Азией (его доля в 1994–2007 гг. в среднем составляла 74,53% от всей торговли КНР со странами региона). В приграничных районах была создана целостная система «открытости», которая распространялась на города и уезды. При развитии связей с государствами Центральной Азии Китай использовал ретро-концепцию «Великого Шелкового пути», роль которого на современном этапе выполняет Трансазиатская железнодорожная магистраль, проходящая через СУАР.

Во втором разделе «*Синьцзян в региональной политике Китая*» анализируются механизмы, созданные центральным правительством по выравниванию социально-экономических показателей Синьцзяна в масштабах КНР.

С началом проведения в КНР «политики реформ и открытости» для региональной экономики разрабатывались собственные планы развития. Основой для них стало

использование особого геополитического положения, «геополитических преимуществ» Синьцзяна. К середине 1990–х гг. появились региональные стратегии развития Запада КНР, которые разрабатывал Комитет по делам реформы и развития при Госсовете КНР. СУАР стал опытной площадкой для проведения экономического эксперимента и был выделен даже в масштабах Запада КНР, где занял важное место «переднего края» в стратегии развития государства. В этот период экономическая структура Синьцзяна существенно меняется. СУАР становится основным регионом по добыче нефти и газа, изменения произошли в экономической и инвестиционной среде. Важная роль в деле активизации сотрудничества с периферийными государствами отводилась документу, изданному Госсоветом КНР 28 сентября 2007 г. («Документ №32 (2007)», «Некоторые предложения по стимулированию экономического и общественного развития СУАР КНР»). Именно он в рамках долгосрочной перспективы устанавливает важнейшие цели и задачи экономического и социального развития СУАР.

Особое место отводилось Синьцзяну и в принятой Госсоветом стратегии регионального развития 2010 г. («Документ №46»). На уровне региона ставились и общегосударственные задачи: «при использовании научно-технических достижений осуществить экономический транзит», «обеспечить опережающее развитие инноваций» и т.д. Возможным вариантом изменения производственной структуры в 12–й пятилетке на уровне региона может стать создание и использование новых источников энергии, новых материалов, биотехнологий, развитие сферы информационных технологий и т.д.

В самом общем виде следует отметить, что центральное правительство Китая продолжает использовать выбранную модель развития региона, характеризующую общую региональную политику в СУАР, а выбранная на рубеже 2010–х гг. стратегия развития, дополняющая и развивающая предыдущие, включая «стратегию большого освоения Запада», будет продолжена.

В третьем разделе *«Синьцзян на пути превращения в региональный экономический центр»* представлена целостная структура «открытых портов», включающая в себя авиа–, авто– и железнодорожные переходы. Особое внимание уделено формированию такого рода структуры и отдельных элементов. Функционирование стратегической Ланьчжоу-Синьцзянской железной дороги и система автодорог национального масштаба (*годао*), с одной стороны, обеспечивали связь между западными и восточными районами страны, с другой – являлись выходами на ключевые направления вне границ Китая. Это было отражено в концепциях «связь с Востоком, выходы на Запад» (*дунлянь сичу*) и «приходит с Запада, уходит на Восток» (*силай дунцюй*).

В рамках развития сети железных дорог в 2000–х гг. Китай предпринимал значительные усилия по обеспечению транспортного доступа к отдаленным частям страны, которые невозможно рассматривать вне регионального контекста. Начинаются крупномасштабные проекты по строительству Цинхай-Тибетской железной дороги, веток Чунцин–Хуайхуа и Нанькин–Сиань. Для развития региональной железнодорожной сети СУАР инвестиции в отрасль достигли максимума в 2010 г., было освоено более 12 млрд. юаней⁷⁷. Новое железнодорожное строительство позволило создать комплексную систему связи со всеми округами и волостями, дополненную высокоскоростными шоссе.

Проницаемость границы с точки зрения железных дорог оставалась незначительной. Так, в 1990–2000–е гг. в Синьцзяне существовал лишь один железнодорожный переход – КПП Алашанькоу, являющийся частью Ланьчжоу-Синьцзянской железной дороги. Соединение ветки с морским портом Ланьчжоу знаменовало собой создание Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТАЖМ). Кроме всего прочего, Алашанькоу являлся единственным на западе Китая сухопутным КПП, обслуживающим три вида транспорта (авто- и железнодорожный, трубопроводный).

Для исправления подобного «однобокого развития» КПП СУАР в 2007 г. был предложен трансграничный проект, реализуемый в настоящее время между КНР и Республикой Казахстан. Экспериментальной базой являлся КПП Хоргос, где был создан «Международный центр приграничного сотрудничества Хоргос» (МЦПС). В начале декабря 2011 г. состоялось его официальное открытие. В перспективе планируется его превращение в региональный транспортно-логистический хаб.

Государство продолжало проводить эксперименты и на других уровнях, в основу изменений был положен принцип повышения эффективности. Так, была принята политика «одной большой таможни» (*датун гуань*), которая заключалась в ускорении обработки документации государственными органами. Новые мероприятия были приняты в рамках нормативных актов («Документ №32 (2007)»).

В данные стратегии и документы вошли планы модернизации КПП, строительства МЦПС Хоргос, прокладки железнодорожной магистрали Китай–Кыргызстан–Узбекистан. По планам на 12–ю пятилетку, к 2020 г. в западных районах КНР должна быть сформирована комплексная сеть современных железных дорог с выходом на соседние государства.

В четвертой главе «**Политические отношения КНР с государствами региона**» последовательно рассматривалась история формирования двусторонних отношений КНР с

⁷⁷ Синьцзян 2010 нянь цзяотун тоуцзы ваньчэн лючэн (Завершенные инвестиции в инфраструктуру СУАР в 2010 г.) // Синьцзян душибао. 2010. 29 сентября.

государствами Центральной Азии, проанализированы основные двух– и многосторонние договоренности, представлены проблемы сотрудничества и варианты их решения с использованием потенциала сторон и региональной организации ШОС.

В первом разделе *«Установление дипломатических связей и формирование договорно-правовой базы сотрудничества»* дана характеристика существующей договорно-правовой базе, созданной в ключевых областях межгосударственного взаимодействия. Документы, затрагивающие интересы сторон, были призваны оформить их отношения в качестве независимых субъектов международного права, обеспечить гарантии выполнения положений и обязательств, содержащихся в действовавших ранее советско-китайских договорах, соглашениях, протоколах, иных документах, и создать правовую основу для формирования условий взаимовыгодного сотрудничества в перспективе. Документы и их формат, в основном предложенный китайской стороной, подчеркивали уровень и место государств в региональной стратегии Китая. Так, с Кыргызстаном и Таджикистаном был достигнут лишь уровень «добрососедства, дружбы и сотрудничества». В случае этих стран оказалось, что к тому периоду уровень двусторонних отношений существенно ниже уровня их многостороннего взаимодействия. Принципиально новая формула «стратегического партнерства», закреплённая в документах, впервые в регионе появилась с Казахстаном. Первоначально это было соглашение о «стратегическом взаимодействии», а в 2011 г. КНР и РК установили «отношения всестороннего стратегического партнерства» (ранее стороны прошли все уровни – отражением стали «Договор между о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» от 23 декабря 2002 г. и «Совместная декларация об установлении и развитии отношений стратегического партнерства» от 4 июля 2005 г.).

В июне 2010 г. появилась «Совместная декларация о всестороннем углублении и развитии партнерских отношений дружбы и сотрудничества между КНР и Узбекистаном». В июне 2012 г. Узбекистан стал вторым государством региона, с которым КНР установила отношения «стратегического партнерства». Однако, при реализации многосторонних договоренностей с Узбекистаном возникали проблемы.

Соглашения заложили основы для работы Межправительственных комитетов по сотрудничеству (КНР–Казахстан, КНР–Узбекистан). К середине 2000–х гг. были определены четыре основных направления сотрудничества в следующих сферах: безопасности; политической; торгово-экономической; гуманитарной. Направления были отражены в работе подкомитетов по конкретным областям сотрудничества. Появилась новая проблематика, включающая водно-энергетическую составляющую, экологию и т.д.

Китай предлагал активнее использовать новые механизмы сотрудничества, которые наряду с политическими формировали «среду» для взаимодействия. Сюда можно отнести механизмы в финансово-экономической сфере (межбанковского, инвестиционного сотрудничества, кредитные договоры и контракты, гранты).

За двадцатилетие стороны подписали большое количество документов, которые соответствовали или частично соответствовали внешнеполитическим задачам стран Центральной Азии. В целом, необходимо отметить поступательное развитие политического диалога. Процесс двусторонних и многосторонних отношений между Китаем и государствами Центральной Азии является примером эволюции китайской политики и роста ее опыта.

Внешнеполитическая стратегия КНР в Центральной Азии на ближайшую перспективу была озвучены главой ПК ВСНП КНР У Банго во время визита в Узбекистан в июле 2011 г.: повысить уровень стратегического взаимодействия на основе углубления политического взаимодоверия; установить более тесные экономические связи на основе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша; на основе усиления сотрудничества в области безопасности повысить способности противодействовать реальным угрозам. Фактически все они в настоящее время реализуются как в двустороннем, так и многостороннем формате с приоритетом последнего.

Во втором разделе *«Общие проблемы безопасности и военно-техническое сотрудничество»* рассматривается ключевая проблематика двух– и многосторонних отношений в регионе, являющаяся основой для существования самого государства. Сотрудничество в сфере безопасности между КНР и государствами Центральной Азии следует рассматривать в достаточно широком контексте, однако наибольшее внимание уделено военно-политической и частично общественной составляющей, так как именно они являются определяющими для комплексного понятия «государственная безопасность». При несомненной важности данные направления в силу различных причин сравнительно плохо разработаны и представлены в научном дискурсе.

На сегодняшний момент можно констатировать, что до определенной степени сложилось «вовлечение» Китая в структуры безопасности Центральной Азии. Главной задачей виделась стабилизация и развитие двусторонних отношений в оборонной сфере. При всем разнообразии форм и методов сотрудничества в военной сфере оно ограничено интересами национальной безопасности отдельных государств, и ситуация вряд ли изменится в кратко– и среднесрочной перспективе.

На многостороннем уровне приоритетным остается сотрудничество в рамках ШОС, однако в проработке нуждаются конкретные механизмы такого сотрудничества.

Организация нашла собственную «нишу» – это предложенный Китаем вариант борьбы с «тремя злами»: терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом. Это важно в связи с повышением роли нетрадиционных угроз безопасности. Однако не выстроены механизмы быстрого реагирования на угрозы, сотрудничество в этой сфере только начинает налаживаться. Для Китая по-прежнему определяющим остается проблематика обеспечения безопасности в СУАР, причем как внешней, так и внутренней.

Кризисные ситуации в 2009 г. (СУАР КНР), 2010 г. (Кыргызстан), 2011 г. (Казахстан) и 2012 г. (Кыргызстан) лишь подчеркивали приоритет данной сферы, а также свидетельствовали о том, что поставленные задачи очень сложны для решения. В этой связи на совместных учениях отрабатывались различного рода кризисные сценарии. Однако, сам регион очень сложный, он характеризуется как сотрудничеством, так и соперничеством, необходимо учитывать позиции как самих государств, так и внешних акторов. Качественные сдвиги в направлениях и формах сотрудничества свидетельствуют об увеличении важности проблематики безопасности для Китая, при том, что большая часть инициатив Китая во второй половине 2000–х гг. относится к сфере экономики. Что касается перспектив дальнейшего сотрудничества, то они возможны в виде предоставления странам материально-технической помощи для модернизации и реформирования армии, а также новое обращение к ядерной проблематике. Из двух альтернатив (создания в ЦА безъядерной зоны и общей военно-ядерной политики) Китай обратился к «безъядерной» дипломатии по периметру границ.

В третьем разделе *«Пограничное урегулирование КНР со странами региона»* представлены теоретические разработки сторон, связанные с наличием «спорных участков» на бывшей советско-китайской границе, и практические варианты территориального размежевания КНР и стран региона. Приоритеты китайской внешней политики с самого начала выстраивались в зависимости от наличия или отсутствия границ КНР с той или иной республикой. В соответствии с этим появляется деление государств на «пограничные» и «остальные».

Несмотря на комплекс нормативно-правовых актов, подписанных в 1990–х гг., окончательное решение пограничной проблемы затянулось до начала 2000–х гг. Первым государством региона, урегулировавшим сложнейшую для решения проблему, стал Казахстан, последним – Таджикистан. Китай на переговорах использовал различные методы, а по итогам подписывал пакетные соглашения, данная практика была использована и на переговорах с другими государствами региона. В целом, подписание соглашений о границе дало возможность снизить уровень военной угрозы и приступить к формированию новых механизмов межгосударственного взаимодействия. Документы,

относящиеся к пограничному урегулированию, поставили точку в долгосрочном процессе между странами, который довольно остро стоял еще во времена СССР.

К негативным последствиям пограничного урегулирования исследователи относят его нелегитимность в национальных республиках, где нарушалось законодательство, а часть «спорных территорий» была в одностороннем порядке отдана Китаю, хотя «спорными» они были только со стороны КНР.

В четвертом разделе *«Политика Китая в рамках «Шанхайского процесса»»* рассматривается процесс взаимодействия в рамках выстраивания Центральноазиатской системы безопасности с участием стран региона на основе многопланового сотрудничества. Актуальность проблем безопасности для региональной организации и ее участников выявилась особенно четко в связи с активизацией террористической и иной подрывной деятельности, угрожающей безопасности стран региона. Процесс взаимодействия государств в сфере безопасности привел к созданию ШОС, в рамках которой КНР активно сотрудничает со странами региона. Остальная проблематика по «шанхайскому процессу» была вынесена в тематические разделы соответствующих глав (экономическая составляющая сотрудничества, энергетика, транспорт и т.д.).

Сотрудничество в сфере обеспечения безопасности в регионе после 1996 г. происходит, главным образом, в рамках ШОС. Она же стала новой формой для российско-китайского сотрудничества в регионе Центральной Азии. Появилась возможность использовать механизмы ШОС для борьбы с «тремя злами». Китай начал участвовать во всемирном антитеррористическом движении, хотя ранее предпочитал решать подобные вопросы в одностороннем или двустороннем порядке. В перспективе организация может стать одним из инструментов в достижении Китаем ряда геополитических целей. ШОС работает и на повышение авторитета государств-участников на региональном и международном уровне, найдены новые форматы взаимодействия с внерегиональными странами. Важным элементом развития процессов является продолжающееся «вовлечение» Китая в систему региональной безопасности.

В пятой главе *«Экономические связи КНР с Центральной Азией»* представлен анализ формирования торгово-экономического сотрудничества отдельных стран региона с Китайской Народной Республикой.

В первом разделе *«Этапы и механизмы торгово-экономического сотрудничества Китая и стран Центральной Азии»* исследована эффективность созданных механизмов «открытости» в СУАР КНР, а также проведен анализ основных двусторонних соглашений Китая со странами региона в рассматриваемый период.

После обретения государствами Центральной Азии независимости Китай начал активно использовать открывшиеся геополитические преимущества для экономического проникновения в регион. Это происходило на основе сложившейся к 1990–м гг. в КНР системы внешней торговли. Параллельно Китай учитывал региональное развитие Синьцзяна и всего Северо-запада страны. Разрабатывались понятия и механизмы «геополитических преимуществ Синьцзяна», «взаимодополняемости экономик» СУАР и государств региона. В дальнейшем, данные тезисы активно развивались и стали базовыми для характеристики регионального сотрудничества и места Синьцзяна в нём. Формулировки призваны закрепить базовую формулу сотрудничества, предлагаемую Китаем: «ресурсы в обмен на промышленную продукцию».

Как минимум дважды страновые приоритеты Китая в регионе менялись – так, в начале 1990–х гг. китайское руководство делало ставку на активное развитие внешнеэкономических связей с Казахстаном и Узбекистаном, однако на практике оказалось, что для китайско-узбекского сотрудничества нет базового условия – общей границы, а торговля через посредников расплывала ресурсы обеих сторон.

Примерно с середины 1990–х гг. основное место в развитии связей с регионом отводилось государствам, с которыми у КНР была общая граница – Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану. С ними была сформирована сеть КПП, активно развивалась внешняя торговля. В силу причин географического и геополитического характера, к началу 2000–х гг. наиболее развитой оказалась торговля с Казахстаном, наименее – с Таджикистаном.

К середине 2000–х гг. Китай начал использовать новое преимущество, а именно – наличие крупных финансовых ресурсов, которые могли стать инвестициями в экономику стран региона. На этом этапе, вплоть до начала мирового финансового кризиса, КНР удалось увеличить объем внешней торговли с Туркменистаном, в основном, за счет китайского экспорта. При этом лидером по большинству показателей торгово-экономического сотрудничества по-прежнему оставался Казахстан. В конце 2000–х гг. на двусторонних связях сказалось действие мирового финансового кризиса, замедлился рост товарооборота, однако к 2011 г. большинство показателей вышло на докризисный уровень.

Во втором разделе «*Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Республикой Казахстан*» представлена характеристика и история формирования основных элементов двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Специфику торгово-экономического сотрудничества между КНР и Казахстаном предопределили имеющиеся на момент распада Советского Союза контакты между административными и хозяйственными организациями Казахстана и КНР. Хотя по ряду

вопросов внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности их руководство наделялось правом некоторой самостоятельности, окончательное решение принималось центральным руководством, что существенно ограничивало развитие межрегиональных отношений, а территориально постепенно «привязывало» Казахстан к соседнему с ним району Китая – СУАР, практически исключив из сферы внешнеэкономической деятельности другие регионы КНР. Этот факт и предопределил первостепенное значение всех видов взаимоотношений по линии Казахстан – СУАР КНР. Как отмечает казахстанский политолог К. Л. Сыроежкин, «с позиций Синьцзяна Центральная Азия не только занимает лидирующие позиции, но и является безальтернативной»⁷⁸.

По итогам 2011 г. товарооборот между КНР и Республикой Казахстан достиг 24,95 млрд. долл., рост к уровню предыдущего года составил 22 %, Китай оставался вторым торговым партнером республики после России, лишь на 2 % отставая от первого места (16,9 % и 18,9 % соответственно)⁷⁹.

В рамках празднования 20-летия установления дипломатических отношений между КНР и Республикой Казахстан в январе 2012 г. стороны отмечали «высокий уровень взаимного доверия, поддержки в важнейших вопросах, представляющих взаимные интересы». Высказывания руководителей можно подтвердить практикой – на основе торгово-экономического сотрудничества, ведущей частью которого в начале 1990-х гг. была торговля, уже к середине 2000-х гг. удалось создать относительно цельную систему взаимоотношений в различных областях. Способствовала этому как «взаимодополняемость» экономик двух стран, так и новые возможности, которые появились у сторон – развитие процессов реиндустриализации в Казахстане и повышение инвестиционного потенциала КНР. Для китайской экономики развитие отношений с РК значило приобретение и сырья, и рынков сбыта, и транзитного доступа к другим регионам. Проектное сотрудничество в рамках ШОС лишь дополнило имевшиеся достижения в двусторонних отношениях. Важнейшее значение имеет развитие инфраструктурных проектов – создания свободных зон приграничной торговли.

В ближайшей перспективе Китай поможет Казахстану модернизировать железные дороги и всю транспортную систему, создать новую высокоскоростную магистраль (Астана–Алматы), а в дальнейшем – несколько транзитных. В декабре 2012 г. была официально открыта казахстанско-китайская железная дорога через Хоргос.

⁷⁸ Сыроежкин К. Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 2. В формате стратегического партнерства. Алматы, 2010. С. 87.

⁷⁹ 2011 нянь Хасакэсыгань дуйвай маои цзяньси (Краткий анализ внешней торговли Казахстана в 2011 году) // Министерство торговли Китайской Народной Республики. 2012. 16 марта. URL : <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/i/dxfw/jlyd/201203/20120308019049.html> (дата обращения: 14.09.2012).

В третьем разделе «*Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Кыргызстаном*» рассматривается история формирования торгово-экономического сотрудничества КНР с Кыргызской Республикой. По потенциалу Киргизию и КНР в современных границах практически невозможно сравнивать, однако оба государства заинтересованы в развитии всех видов отношений. Так, китайская сторона рассматривает Кыргызстан как плацдарм для проникновения на рынки Центральной Азии, Кыргызстану необходим Китай как рычаг для развития экономики.

Как и другим странам Центральной Азии, Кыргызстану отводилась роль поставщика сырья и природных ресурсов, их доля в импорте КНР составляла 60 – 90 %. Китайская сторона отмечала наличие существенных проблем развития республики: «отсутствие разнообразия» в товарной структуре, отсутствие научно-технического сотрудничества, недостаточную развитость КПП и т.д. В свою очередь, Китай наращивал экспорт машинотехнической продукции, которая уже к началу 2004 г. составляла до 65 % экспорта. Кыргызстан также занимался «реэкспортом», по которому серьезно ударил финансовый кризис 2008 г., а также формирование Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии.

Импорт из Киргизии был основан на внутреннем спросе КНР, в том числе региональном – со стороны Синьцзяна. На часть товарных групп, относящихся к сырью и материалам, КНР даже могла определять собственную ценовую политику (например, на хлопок), а также варьировать поставки однородных товаров, производимых государствами Центральной Азии. Кроме того, цена, а соответственно, и общая сумма товарооборота, во многом зависела от цен на сырье на мировом рынке. Так, в 1998–2001 гг. наблюдалось падение цен, в 2002–2003 гг. – их рост. Тем не менее, сотрудничество было обусловлено, в основном, рыночными факторами. Главным партнером КНР по большинству наименований импорта был Казахстан, в остальных республиках сырье лишь «докупалось». Так, например, с 2000 г. Кыргызстан начал экспорт в КНР золота.

Бедная нефтью и газом республика могла рассчитывать лишь на роль страны-транзитера, что и было закреплено в проекте строительства железнодорожной магистрали. Другие крупные многосторонние проекты, такие, как газо– и нефтепроводы Центральная Азия–Китай, через территорию Кыргызстана не проходили. Из приоритетов китайской стороны могут сохраниться туризм (в том числе в рамках создания «Центральноазиатского золотого кольца»), сельское хозяйство, нефтегазовая промышленность, металлургия, некоторые виды обрабатывающей промышленности. В частности, они подчеркнуты в «Совместном коммюнике» от 23 сентября 2004 г. и ряде других документов. Большой интерес Китая представляла разработка редких и редкоземельных металлов.

По итогам двадцатилетнего сотрудничества Кыргызская Республика заняла свое место в региональной стратегии Китая – отнюдь не главное в торгово-экономическом сотрудничестве. При сохранении политической стабильности в республике будет продолжено сотрудничество в небольших проектах, расширится кредитное финансирование – это связано, прежде всего, с избытком денежных средств у китайских инвесторов. Потенциальными сферами расширения китайского присутствия останутся: транспорт и коммуникации, добыча полезных ископаемых (в том числе золота), гидроэнергетика.

В четвертом разделе *«Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Таджикистаном»* представлен анализ торгово-экономического сотрудничества КНР с этим центральноазиатским государством.

Несмотря на то, что дипломатические и торгово-экономические связи были установлены уже в январе 1992 г. во время поездки китайской делегации по Центральной Азии, до середины первого десятилетия XXI века экономическое присутствие Китая в Таджикистане было минимальным. На начальном этапе сотрудничества сдерживающими факторами для развития торгово-экономических операций РТ с КНР стала гражданская война в Таджикистане, а также период послевоенного восстановления.

С начала нового века наблюдалось постепенное повышение товарооборота. За период 2001–2011 гг. он вырос почти в 25 раз. Заново определены приоритеты сотрудничества: энергетика, транспорт и коммуникации, промышленность. Таджикистан заинтересован в продолжении строительства китайскими компаниями гидроэлектростанций, линий электропередачи, железных и автомобильных дорог, имеющих региональное значение.

Как отмечал зам.директора Центра стратегических исследований при президенте РТ, «для Китая было важно связать Таджикистан с другими частями Центральной Азии, а также открыть альтернативный Ваханскому коридору маршрут доступа на рынки Афганистана и Пакистана»⁸⁰, что оказалось возможным через территорию Таджикистана. Перевал Кульма являлся точкой доступа к Каракорумскому шоссе, контролируемому в настоящее время Китаем, а Таджикистан через него мог осуществлять реэкспорт.

Крупнейшими партнерами Таджикистана в сфере торговли и инвестиций, по-прежнему, остаются Китай и Россия. Недалеко от них располагаются Иран и США, расширение их участия в экономике республики оценивается по-разному.

⁸⁰ Тоджиддинов А. Куда идут китайские инвестиции? // Газета нового Таджикистана «Азия Плюс». 2011. 29 декабря. URL : <http://news.tj/ru/newspaper/article/kuda-idut-kitaiskie-investitsii> (дата обращения: 12.01.2012)

В пятом разделе «*Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Узбекистаном*» представлено двустороннее взаимодействие государств в рассматриваемый период.

С момента распада Советского Союза Узбекистан привлек внимание китайской дипломатии. Хотя республика и не попадала в КНР в узкое понятие «приграничные государства», на него было распространено более широкое «государства-соседи» (*линго*). В отечественной историографии при рассмотрении внешней политики Китая отмечалось, что Узбекистан может быть отнесен к «странам ближнего круга»⁸¹.

Главным сдерживающим фактором развития отношений с КНР было его географическое положение – республика не имела выхода к морю. Однако, с точки зрения геополитики Узбекистан в Центральной Азии обладал преимуществом, так как был «большим государством» (*даго*) и граничил со всеми остальными государствами региона, а при развитии трансграничных инфраструктурных проектов мог претендовать на роль «центра» Центральной Азии. Для Китая фактор отсутствия общей границы играл позитивную роль – у государств с самого начала не было сложного комплекса приграничных проблем и конфликтного потенциала в этой сфере. Также не существовало проблем, связанных с так называемой «китайской угрозой».

В целом, значение Узбекистана для Китая в регионе определялось его местом в региональной системе международных отношений. Само же государство приняло характерный для стран региона формат «многовекторной дипломатии», который, однако, в различные периоды постсоветского развития характеризовался различным наполнением. Базовым элементом сотрудничества, который также предлагала китайская сторона, с самого начала стал принцип «долгосрочной дружбы», а также заинтересованность китайской стороны в том, чтобы основные принципы сотрудничества и дипломатии не менялись. Политические отношения базировались на «пяти принципах мирного сосуществования».

С экономической точки зрения республика обладала неплохим потенциалом развития, это доказывало как собственное экономическое развитие и выбранная модель экономического роста, так и воздействие последнего по времени международного финансового кризиса, от которого Узбекистан практически не пострадал. Основой для развития экономического сотрудничества с КНР стало всестороннее сотрудничество в политической сфере. В этой связи наиболее важной договоренностью стало «Соглашение о стратегическом партнерстве между КНР и Республикой Узбекистан», однако такого рода формат сотрудничества появился сравнительно поздно.

⁸¹ Лузянин С.Г. Некоторые аспекты китайской политики в отношении стран «ближнего круга» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XV. М., 2010. С. 6–22.

В целом же, приоритетные проекты китайского капитала в Узбекистане – это крупные инфраструктурные проекты, которые позволяли в максимально короткие сроки и относительно дешево импортировать необходимые ресурсы. В структуре экспорта КНР продолжала преобладать машинотехническая продукция. Активно использовала китайская сторона кредитные и финансовые ресурсы, которые предлагались республике на различных условиях.

В шестом разделе *«Торгово-экономическое взаимодействие КНР и Туркменистана»* рассматривается формирование торгово-экономических связей Китая с Туркменистаном.

При рассмотрении Республики Туркменистан китайские исследователи отмечали, что это «особое государство» Центральной Азии. В заявлениях китайского главы государства Туркменистан назван «важным государством Центральной Азии». Основные «особенности» и «важность» страны для Китая связаны с его статусом и проведением собственного внешнеполитического курса, а именно – «политики нейтралитета», а также с запасами углеводородов. Со своей стороны, туркменское правительство старалось быть максимально нейтральным и в сфере проводимой экономической политики, предлагая принцип «открытых дверей» для всех государств.

В течение практически всего первого десятилетия с момента образования Туркменистана, он оставался на периферии интересов КНР даже в масштабах Центральной Азии. Это объясняет тот факт, что контакты Китай–Туркменистан в торгово-экономической сфере и экономическая активность КНР в этот период в Туркменистане были минимальны. Кроме того, туркменский рынок был удален от китайских границ. При этом необходимый уровень официальных контактов поддерживался, а соглашения Китая с республикой во многом были аналогичны соглашениям с другими государствами региона.

Вслед за решением проблем безопасности к концу 1990–х гг. приоритеты внешней политики Китая начали меняться, он все активнее начал интересоваться сферой энергетики.

Внешняя торговля КНР и Туркменистана до середины 2000–х гг. в цифрах достаточно прозрачно отражает региональные приоритеты Китая. Объем товарооборота с момента образования независимого Туркменистана и вплоть до 2006 г. находился на очень низком уровне, не превышая 125 млн.долл. в год, затем начал стремительно расти. В начале 2011 г. Туркменистан, как и другие государства Центральной Азии, начал активно кредитоваться в Китае, в основном, это были государственные компании, связанные с энергетической отраслью.

Таким образом, Китай активно наращивал товарооборот в конце 2010-х гг., однако положительная динамика была связана с резким увеличением объемов китайского импорта из республики.

В **заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

В настоящее время региональная центральноазиатская политика КНР продолжает формироваться. Эволюционируют как внешнеполитические принципы и формы сотрудничества, так и внешнеэкономическая политика государства, которая максимально использует дипломатическую поддержку. Наибольший эффект при организации сотрудничества с государствами Центральной Азии дало взаимодействие и негласное разделение ответственности в регионе с Россией, основанное на «стратегическом партнерстве». Политика КНР в регионе важна, прежде всего, с точки зрения обеспечения безопасности для мирного развития как Синьцзяна, так и всего Китая.

С точки зрения терминологии, современная Центральная Азия для китайских исследователей – это постсоветская Центральная Азия, включающая четыре республики Средней Азии и Казахстан. Распад Советского Союза вызвал как определенный откат (необходимость переоценки части явлений и идеологического содержания внешней политики), так и появление новых исследователей и структур. Современный этап, начавшийся с середины 1990-х гг., характеризуется волнообразным увеличением количества и качества китайских исследований по Центральной Азии. Эта же тенденция характерна и для исследовательских структур, особенно после образования ШОС. К началу XXI века АОН КНР начала систематически развивать региональную науку через систему грантов и планирование направлений исследований. При этом, в открытом доступе преобладают исследования экономического сотрудничества, политическая проблематика является полностью или частично закрытой. Специализация ученых и региональных центров происходила сравнительно медленно – многие китайские исследователи долгое время одновременно выступали как политологи, социологи, экономисты и т.д. С одной стороны, это расширяло возможности для публикаций, с другой – препятствовало появлению комплексных исследований. Уровень практической политики представлен крупнейшими научно-исследовательскими центрами: Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР (Пекин) и двумя центрами в Фуданьском университете (Шанхай). На них приходится основная часть открытых исследований.

В рамках плана 12-й пятилетки озвучены и новые задачи по науке, в том числе и для региона, которые в самом общем виде названы «три вида обслуживания» (*саньчжун фую*) и объединяют научно-исследовательские возможности всего СУАР.

При невозможности сравнения сторон по большинству показателей существует возможность для сравнения потенциалов отдельных частей КНР и государств Центральной Азии. Так, по важным макроэкономическим показателям лидируют Казахстан и Туркменистан, а СУАР КНР занимает 2–3 место. При этом характерна положительная динамика развития Синьцзяна на протяжении всего рассматриваемого периода, тогда как страны региона оправились от кризисных явлений только к середине–концу 1990–х гг. и развивались в условиях высоких цен на сырье и материалы.

В рассматриваемый период на развитие отношений КНР и стран Центральной Азии оказывали влияние как внешние, так и внутренние позитивные и негативные факторы. Важнейшим стал распад Советского Союза и образование новых независимых государств. При определении основных направлений внешней политики страны Центральной Азии пришли к национальным вариантам многовекторной дипломатии (за исключением Туркменистана). Среди важных факторов развития сотрудничества можно отметить признание государствами региона позиции Китая в регионе и принятие большинства внешнеполитических инициатив Пекина.

На протяжении 1990–х – 2000–х гг., несмотря на неизменные и проверенные «пять принципов мирного сосуществования», в регионе Центральной Азии использовались «обновленные принципы», которые появились в апреле 1994 г. При этом отмечались «особые» отношения с государствами Центральной Азии. В связи с эволюцией внешнеполитических доктрин в КНР появлялись различные формулировки, в том числе «дружба навек, никакой вражды», «добрососедские дружественные отношения», «отношения взаимной выгоды» и т.д., что отражало и поиск оптимальной модели сотрудничества.

Наибольшее значение для внешнеполитической деятельности КНР имели договоренности с Республикой Казахстан, с которой в 2005 г. был достигнут уровень «всестороннего стратегического партнерства», что для китайской дипломатии может быть сравнимо с уровнем союзнических отношений. Практика же обычного «стратегического партнерства» была признана удачной, опробована в других регионах, и с лета 2012 г. была предложена для отношений с Узбекистаном.

На первом этапе установления и развития сотрудничества Китай не стал форсировать внешнеполитические и внешнеэкономические связи, ожидая возвращения в регион России. Однако по итогам десятилетия было принято решение «активно входить в регион», для этого уже были созданы механизмы, включая ШОС, что явилось своеобразным ответом и на становление новой «центральноазиатской державы» – США.

По-прежнему, приоритетом внешней политики КНР является развитие отношений с США и ЕС. Центральная Азия занимает во внешней политике Китая важное, но не центральное место. В рамках теоретического осмысления в КНР она включается в более крупные проекты, в частности, «три Азии» (*Сань Я*), формируя «большую периферию Синьцзяна».

При осуществлении дипломатии Китая в Центральной Азии используются общие подходы развития отношений с приграничными государствами и регионами. Внутренние потребности КНР определяют характер и основные принципы развития отношений с «периферией» на основе сотрудничества в сфере безопасности, формируют «благоприятную окружающую среду». Соседние с Китаем государства постепенно включаются в «большой экономический круг».

К началу 2010–х гг. отношения КНР с государствами «большой периферии» Синьцзяна и всего Северо-запада Китая представляли собой достаточно сложную систему, выстроенную на базе двусторонних и многосторонних договоренностей.

Современный Синьцзян – активный участник различных региональных программ центрального правительства, в частности, «программы адресной помощи СУАР» (*дуйкоу юань цзянь*). Она стала продолжением политики «большого освоения Запада», принятой в начале 2000–х гг. Для решения проблемы сепаратизма государство решило наращивать экономическую помощь, которая составляет до 50 % валового регионального продукта Синьцзяна. Одним из перспективных следствий реализации данной стратегии станет превращение СУАР в региональный экономический центр с тяготением к северной части района.

Снижение уровня внешней угрозы подтвердило справедливость концепции «мира и развития» и позволило использовать вновь открывшиеся возможности для расширения экономической экспансии в рамках политики «идти вовне» (*цзоучу цюй*) для «новой индустриализации» Синьцзяна.

Несмотря на большой опыт взаимодействия в формате «добрососедства и сотрудничества» между странами региона и КНР, продолжают сохраняться элементы взаимного недоверия. Китай отрицает наличие проблемных моментов в двусторонних связях, а на практике большую их часть передал на рассмотрение в ШОС. Уровень взаимодействия по ключевой проблематике повысился, КНР предпочитает использовать многосторонние механизмы, что характерно для его дипломатии и в других регионах мира.

После достижения основных договоренностей в сфере безопасности с Россией и странами региона для Китая появилась возможность развивать и новые направления сотрудничества, а также предлагать собственные инициативы. Так, во второй половине 2000–х гг. приоритетной сферой для КНР стала экономическая.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Китай достаточно успешно урегулировал пограничную проблему, которая возникла на более ранних этапах межгосударственного взаимодействия с СССР. Она получила название «утраченных» или «спорных» территорий или «неравноправных договоров» и была еще и внутривосточной. После появления новых независимых государств проблематика была во многом поднята искусственно. Предложенная Китаем практика «пакетных соглашений» стала элементом дипломатии КНР и была поддержана в самих государствах региона.

После решения пограничных проблем появилась возможность решать актуальные проблемы на многосторонней основе при фактическом лидерстве КНР. Не имеет прецедентов факт совместных военных учений Китая со странами региона и Россией, которые проводятся последние 10 лет. Китай продолжает создавать многосторонний механизм воздействия на ситуацию в регионе в военной сфере. Контакты с Китаем важны для всех стран и с точки зрения выстраивания региональной системы безопасности. Важна поддержка региональных инициатив по созданию в ЦА «безъядерной зоны». Кроме того, ШОС – это наиболее приемлемый инструмент для «вовлечения» Китая в различные региональные проекты.

Параллельно формировались механизмы взаимодействия с другими региональными акторами, прежде всего, с Россией, участие которой в региональной организации ШОС фактически легитимизировало все формы сотрудничества Китая со странами Центральной Азии. Механизм организации оказался наиболее эффективным при переходе от двустороннего сотрудничества к многостороннему.

В настоящее время подходы к региональной политике КНР продолжают развиваться как в теоретическом, так и в практическом плане. Связано это, прежде всего, с так называемой проблематикой «Афганистан–2014», когда Китаю придется частично перестраивать комплекс отношений с сопредельными государствами, в которые могут быть выведены американские войска. Кроме того, политика будет пересматриваться в связи с приходом к власти нового, «пятого» поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином. Однако базовые принципы сохранятся, что отмечено в заявлении главы государства в декабре 2012 г. в Гуандуне.

Основным торговым партнером Китая в Центральной Азии остается Республика Казахстан – на нее приходилось до 80 % регионального товарооборота, доля остальных стран находится на низком уровне. Несмотря на небольшую долю региона в товарообороте КНР (около 1,2 %), Центральная Азия является важным элементом внешней политики КНР.

Несмотря на то, что Китай в различных формах присутствует практически во всех важнейших отраслях экономик стран региона, в 2000–е гг. его отношение к развитию сотрудничества стало более прагматичным. Так, в условиях недостаточного развития сферы энергетики (Кыргызстан, Таджикистан) странам предлагается механизм сотрудничества «инвестиции в обмен на ресурсы». При этом, сами государства также поддерживают такого рода сотрудничество, так как в условиях кризиса Китай остается едва ли не единственным инвестором. При наличии крупных запасов углеводородов КНР предлагает создание трубопроводов, как двусторонних (Казахстан–Китай), так и многосторонних (Центральная Азия–Китай). Китаю в рамках данных проектов удастся предложить наилучшие условия для стран региона. Для КНР сухопутные инфраструктурные проекты дают возможность частично решить проблему зависимости от импорта энергоресурсов по морю. В рамках прагматичной внешнеэкономической стратегии при сотрудничестве с государствами Центральной Азии был отработан механизм «экспортных кредитов», которые позволяют Китаю получить максимальную отдачу от реализации проектов на территории соседних республик. Появилась практика покупки китайскими компаниями долей в энергетических проектах на территории Центральной Азии, а также фактического распоряжения месторождениями.

Создается новая схема взаимодействия в Центральной Азии, в центре которой находится СУАР КНР, а периферией выступают как китайские части Запада и Центра, так и государства Центральной Азии и регионы России. Несмотря на то, что она пока находится на этапе формирования, уже вполне заслуживает отдельного пристального внимания.

По-прежнему велика роль России в регионе – по многим позициям (прямые иностранные инвестиции, внешняя торговля) она занимает первые места в числе основных партнеров страна Центральной Азии. Однако заметна маргинализация региона во внешней политике РФ, которая также стала меняться в сторону прагматизма. Экономическая слабость России привела к вытеснению ее Китаем в рамках экономической конкуренции. Едва ли не единственным реальным проектом остается совместное с Китаем развитие инфраструктуры Республики Казахстан в формате транспортного коридора «Западный Китай – Западная Европа», однако этот проект является конкурентом Транссибирской магистрали. К России по-прежнему обращается часть центральноазиатских элит, в том числе в период нестабильности (Кыргызстан). Китаю же невыгоден «импорт нестабильности», который связан с любыми проектами при участии Афганистана, а при агрессии НАТО против Ирана возможно появление еще одной зоны нестабильности.

Китай проявляет максимальную активность во всех транспортных проектах в регионе. На сегодняшний день сотрудничество КНР со странами Центральной Азии вышло на достаточно высокий уровень – финансового и межбанковского сотрудничества, в сфере транспорта и коммуникаций осуществляется многостороннее сотрудничество.

В СУАР КНР реализуется стратегия «использовать два вида ресурсов и два вида рынков» (*лиюн лянчжун цзыляо хэ лянгэ шичан*), которая в самом общем виде описывает модель экономического роста для Синьцзяна – использование внешнего и внутреннего рынков, а также внутренних и внешних ресурсов. Внутренние задачи развития переносятся и на окружающие Китай страны и регионы. Так, формула участия КНР в различного рода проектах на территории пяти государств региона – «ресурсы в обмен на инвестиции», которую при нехватке средств вынуждены поддерживать и сами страны Центральной Азии.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. *Савкович Е.В.* Пограничное урегулирование на Западе КНР в 1990–2000-е гг. (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 86–93. (0, 5 п.л.)*

2. *Савкович Е.В.* Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Республикой Туркменистан (1992–2010 гг.) / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 87–92. (0, 5 п.л.)*

3. *Савкович Е.В.* Развитие сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии в 2000-х гг. / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2011. – № 4 (16). – С. 107–113. (0, 5 п.л.)*

4. *Савкович Е.В.* Центральнoазиатские исследования в КНР: историография в первой половине 1990-х гг. / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 109–113. (0, 5 п.л.)*

5. *Савкович Е.В.* Центральнo-азиатские исследования в КНР в 2000-е гг. / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 69–76. (0, 7 п.л.)*

6. *Савкович Е.В.* Торгово-экономическое сотрудничество КНР и Республики Узбекистан в 1990-х – середине 2000-х гг. / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 89–95. (0, 6 п.л.)*

7. *Савкович Е.В.* Диссертационные исследования по Центральной Азии в КНР на современном этапе / *Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 357. – С. 100–105. (0, 5 п.л.)*

8. *Савкович Е.В.* Развитие отношений Индии с государствами Центральной Азии в 1990–2000–е гг. и позиция Китая / Е.В. Савкович // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2012. – № 3 (19). – С. 114–121. (0, 7 п.л.)

9. *Савкович Е.В.* Программа адресной помощи СУАР КНР и ее влияние на отношения КНР с государствами Центральной Азии / Е.В. Савкович // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 6 (97). – С. 15–22. (1 п.л.)

Монография:

10. *Савкович Е.В.* Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012 гг.) / Е.В. Савкович. – Томск, 2012. – 336 с. (19, 5 п.л.)

Публикации в других научных изданиях:

11. *Савкович Е.В.* Терроризм в Китае: новая реальность? / Е.В. Савкович // Сибирь в системе международных связей: сборник статей / Под. ред. проф. В.П. Зиновьева. – Томск: Томский государственный университет, 2001. – С. 101–107. (0, 5 п.л.)

12. *Савкович Е.В.* Казахстанско-китайское сотрудничество в сфере коммуникаций и инфраструктуры, 1991–2001 гг. / Е.В. Савкович // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Труды 4 межд.науч.-практ.конференции. Томск: ТПУ, 2005. – С. 89–97. (0,5 п.л.)

13. *Савкович Е.В.* Уйгурская проблема в рамках ШОС (Казахстан и Китай, 1990–е – начало 2000–х гг.) / Е.В. Савкович // Современная Россия и мир: альтернативы развития. Барнаул: АГУ, 2005. – С. 167–174. (0,6 п.л.)

14. *Савкович Е.В.* В Казахстане обсуждают: чего на самом деле хотят китайцы в результате реализации проекта интеграции «Большой Алтай» / Е.В. Савкович // URL: Информационное агентство «Bankfax». – URL: <http://bankfax.ru/page.php?pg=37216> (дата обращения: 10.04.2007) (0,2 п.л.)

15. *Савкович Е.В.* Интеграция по-китайски? / Е.В. Савкович // Международные отношения: теория, история и практика: межвузовский сб. науч. тр./ Под ред. А.В. Якуба, Омск: ОмГУ, 2006, – № 5. – С. 194–205. (0,5 п.л.)

16. *Савкович Е.В.* Шаңхэй һәмкарлиқи рамкиси астидики уйғур мәсилиси / Е.В. Савкович // Radio Free Asia. 2006. 6 марта. URL: http://www.rfa.org/uyghur/xewerler/tepsili_xewer/2006/03/06/shht-uyghurlar/?simple=2 (дата обращения: 10.04.2007) (0,2 п.л.)

17. *Савкович Е.В.* ОМП и Казахстан (2) / Е.В. Савкович // Агентство политических новостей – Казахстан (Электронное издание). URL:http://www.apn.kz/?chapter_name=advert&data_id=334&do=view_single. (дата обращения: 11.12.2009) (0,2 п.л.)

18. *Савкович Е.В.* Проекты экономической интеграции Китая и Казахстана / Е.В. Савкович // Агентство политических исследований – Казахстан. (Электронное издание). URL: <http://www.apn.kz/publications/article5545.htm> (дата обращения: 11.12.2009) (0,2 п.л.)
19. *Савкович Е.В.* Сотрудничество КНР и Республики Казахстан в сфере инфраструктуры и интересы России в 1990–е–2000–е гг. / Е.В. Савкович // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – Иркутск: ИРГУПС, 2006. – С.130–140. (1 п.л.)
20. *Савкович Е.В.* Формирование и развитие внешнеполитической терминологии в КНР на современном этапе / Е.В. Савкович // Сибирский международный ежегодник. – Вып. 3, Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – С. 61–72. (1 п.л.)
21. *Савкович Е.В.* Китайско-казахстанские отношения после 2001 года в рамках становления новой системы международных отношений в регионе ЦА / Е.В. Савкович // Сибирский международный ежегодник. – Вып. 3, Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – С. 195–201. (0,4 п.л.)
22. *Савкович Е.В.* Сотрудничество в сфере энергетики между КНР и Республикой Казахстан в 1990–е гг. / Е.В. Савкович // Востоковедные исследования на Алтае: сб.научн.статей / Под ред. А.В. Старцева. – Вып. 6, Барнаул: Азбука, 2009. – С. 174–189. (1,3 п.л.)
23. *Савкович Е.В.* Проекты строительства Паназиатской высокоскоростной магистрали: китайский вариант / Е.В. Савкович // Форум экспертов Евразийского дома. (Электронное издание). URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=2339> (дата обращения: 04.05.2013). (0,1 п.л.)
24. *Савкович Е.В.* Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000–х гг. / Е.В. Савкович // Сравнительная политика. 2011. – №4 (6). – С. 75–89. (1,2 п.л.)
25. *Савкович Е.В., Данков А.Г.* Развитие транспорта в Китае и Центральной Азии в контексте формирования трансевразийских транспортных коридоров / Е.В. Савкович, А.Г. Данков // Сравнительная политика. 2011. – №4 (6). – С. 98–109. (0,5 п.л. / 0,5 п.л.)